Николай
Коняев

ПЕТЕРБУРГ:
ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГ: НЕПОВТОРИМЫЕ СУДЬБЫ

Город и его великие люди

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В новой книге Николая Коняева речь идет о событиях хотя и необыкновенных, но очень обычных для людей, которые стали их героями. Император Павел I, бескомпромиссный в своей приверженности закону, и «железный» государь Николай I; ученый и инженер Павел Петрович Мельников, певица Анастасия Вяльцева и герой Русско-японской войны Василий Бискупский, поэт Николай Рубцов, композитор Валерий Гаврилин, исторический романист Валентин Пикуль… – об этих талантливых и энергичных русских людях, деяния которых настолько велики, что уже и не ощущаются как деятельность отдельного человека, рассказывает книга. Очень рано, гораздо раньше многих своих сверстников нашли они свой путь и, не сворачивая, пошли по нему еще при жизни достигнув всенародного признания. Они были совершенно разными, но все они были петербуржцами, и судьбы их в чем-то неуловимо схожи.

- Николай Коняев
  -
  -
  - Русский император мальтийского ордена
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Эпилог
  - Государева линейка
    -
    - Мысли русского извозчика
    - Первые железнодорожные крушения
    - Железный Николай Первый и первая железная дорога
    - «Ноготь» русской истории
    - «Труд этот, Ваня, был страшно громаден»…
    - Первый поезд
    - Первый железнодорожный министр

- Особенности петербургского романса
- Неудавшийся прорыв
- Рубцовский вальс
- Обретение русской судьбы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Николай Коняев
Петербург: неповторимые судьбы. Город и его великие люди

© Коняев Н. М., текст, 2018
©«Страта», оформление, 2018

* * *

Судьба – не результат случайных обстоятельств, а предмет выбора. Ее не ждут, а завоевывают.

Уильям Брайан

Русский император мальтийского ордена

Безверья гидра проявилась:
Родил ее, взлелеял Галл;
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищем он стал!
Растет – и тысячью главами
С несчетных жал струит реками
Обманчивый по свету яд:
Народы, царства заразились,
Развратом, буйством помрачились
И Бога быть уже не мнят.
Нет добродетели священной,
Нет твердых ей броней, щитов;
Не стало рыцарств во вселенной:
Присяжных злобе нет врагов,
Законы царств, обряды веры,
Святыня – почтены в химеры;
Попран Христос и скиптр царей;
Европа вся полна разбоев,

Цареубийц святят в героев:
Ты, Павел, будь спаситель ей!..

Гаврила Державин

Двадцатого сентября 1754 года у 25-летней великой княгини Екатерины Алексеевны родился сын, нареченный Павлом, будущий российский император. Считалось, что с рождением ребенка наследника престола завершается миссия Екатерины II в России. Ребенка сразу отняли у матери, и теперь она могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица Елизавета Петровна, и это могло быть принято очень дурно.

В своих записках Екатерина почти прямо говорила о том, что Павел рожден ею не от супруга, будущего императора Петра III, а от Сергея Салтыкова.

Таким образом получается, что Павел был родоначальником новой династии «Павловичей».

Как бы то ни было, но правили Павловичи совершенно иначе, чем первые Романовы. Они стремились стать царями русского народа и за это практически все были убиты.

Ровно через полтора столетия после рождения Павла родится последний царевич династии Павловичей Алексей, у которого была, как пишет учитель цесаревича П. Жильяр, «большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе». Однажды цесаревич сказал своему наставнику: «Когда я стану царем, в России не будет бедных и несчастных…»

Но ему не дали стать царем…

Глава первая

Его рождение воспел в своей оде Михаил Васильевич Ломоносов… Ему исполнился год, когда была издана первая в стране грамматика русского языка; два – когда открылся первый русский государственный театр; три – когда основали Академию художеств.

Будущий император рос под грохот победных залпов Семилетней войны: взят Кенигсберг, пал Берлин, впервые прозвучало еще незнакомое имя – Суворов. Павел был первым русским императором, которого готовили к этому титулу с первого дня жизни.

В душных, жарко натопленных покоях императрицы Елизаветы Петровны, где Павел провел свои первые годы, считалось, что с его рождением восстановится запутанный Петром I порядок престолонаследия, закончится чехарда дворцовых переворотов, навсегда будет ограждена страна от засилья всевластных временщиков.

Считалось, что с рождением Павла завершается миссия Екатерины в Российской империи…

«Только что спеленали его, – вспоминала потом она, – как явился по приказанию императрицы духовник ея и нарек ребенку имя Павла, после чего императрица тотчас велела повивальной бабушке взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели… В городе и империи была великая радость по случаю этого события. На другой день я начала чувствовать нестерпимую боль, начиная от бедра вдоль голени и в левой ноге. Боль эта не давала мне спать, и, сверх того, со мною сделалась сильная лихорадка; но, несмотря на то, и в тот день я не удостоилась большего внимания…»

Ребенка навсегда отняли от матери, и теперь Екатерина «могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно. Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом чернобурой лисицы»…

Во второй раз Екатерине показали сына спустя шесть недель, в третий раз – уже весной. Ее ребенок принадлежал не ей, а Российской империи.

Павлу было четыре года, когда воспитателем ему назначили Федора Дмитриевича Бехтеева. В первый же день вступления в должность Федор Дмитриевич посадил четырехлетнего великого князя учиться грамоте. Вместе с Павлом сели за парту

прислуживавший Павлу дворянин Иван Иванович Ахлебин и мамушка Анна Даниловна. Они притворились, что не знают грамоты и будут учиться вместе с великим князем.

С четырех лет Павла стали одевать в такое же, как у взрослых, платье и парик. Парик Павел носил с тех пор каждый день до конца жизни.

Конечно, никак не связано с ребенком, надевшим в четыре года парик и взрослое платье, открытие первого медицинского факультета в России или изобретение солдатским сыном Иваном Ползуновым первой в мире паровой машины, но вместе с тем и связано. Самим фактом своего рождения Павел создавал уверенность в завтрашнем дне для всей страны, ту уверенность, без которой не могло быть ни медицинского факультета, ни Ивана Ползунова со своей машиной.

Многое, что делалось для Павла, делалось для всей страны и в прямом, и в переносном смысле. Он был еще ребенком, но с его именем уже прочно связывалось само это понятие: первое.

Ему была сделана первая в стране детская прививка против оспы, а первый русский учебник по физике назывался «Краткие понятия о физике для употребления Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича».

Надеждам страны на спокойную уверенную жизнь не суждено было сбыться.

Двадцать пятого декабря 1761 года умерла дочь Петра Великого – императрица Елизавета Петровна. В этот день и оборвалось детство Павла. На русский престол взошел Петр III, у которого было очень много чести и своеобразного благородства, и очень мало политического опыта и ума.

Сводя на нет все жертвы, понесенные Россией в Семилетней войне, Петр III немедленно заключил мир с Пруссией, вернул без всяких условий взятые русскими войсками города.

«Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан… – писал ему Фридрих Второй. – Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочитал чувство чести».

Через двести тридцать лет подобные хвалебные послания, облеченные в нобелевские премии и почетные звания, будут получать и другие руководители нашего государства, и сейчас мы уже на собственном опыте знаем цену этим похвалам, расточаемым за предательство своей страны.

Как и Михаилу Горбачеву два с лишним века спустя, похвалы кружили слабую голову Петра III. Продолжая предпочитать «расчетам политики чувство чести», новый император немедленно возвратил из ссылки Миниха и Бирона, приказал

очистить от икон православные храмы…

И вот через шесть месяцев его жена, Екатерина Алексеевна, поддержанная гвардейскими полками, произвела дворцовый переворот.

В ту ночь на 27 июня 1762 года Павла Петровича внезапно разбудили и под охраной перевезли в Зимний дворец. Ребенку было восемь лет, и внезапный ночной переезд напугал его. Новый воспитатель, генерал Никита Иванович Панин, провел с ним в постели всю ночь, чтобы успокоить.

Наутро Павла повезли к Казанскому собору где его мать Екатерина II была провозглашена самодержавной императрицей, а он объявлен наследником престола. А через десять дней Павел узнал о смерти отца-императора.

Все ошибки и преступления перед страной, совершенные Петром III, не имели и не могли иметь отношения к Павлу, если бы не его мать, которая к тому времени уже ненавидела сына.

Павлу было десять лет, когда она, собравшись замуж за Григория Орлова, начала распускать слухи, дескать, великий князь неизлечимо болен и потому не способен наследовать престол. Воспитатель великого князя граф Никита Иванович Панин посадил тогда мальчика в седло и проскакал с ним двенадцать верст, чтобы доказать вздорность этих слухов. Пригнувшись к гриве скакуна, Павел мчался следом за Паниным по раскисшей от весенней грязи дороге, даже не догадываясь, какой приз поставлен на эту скачку. Ведь уже родился у Екатерины II сын, прозванный в дальнейшем графом Бобринским, и, если бы не выдержал Павел испытания, устроенного Никитой Ивановичем, очевидно, Екатерина не успокоилась бы, сделала бы все, чтобы возвести графа Бобринского на престол.

Ту скачку Павел выиграл, но еще тридцать три долгих года отделяли его от ноябрьского вечера, когда примчится он из Гатчины в Зимний дворец, чтобы наконец-то занять узурпированный матерью собственный престол.

Жестокое убийство отца, интриги вокруг престола, в которые втягивали и малолетнего Павла, не могли не подействовать на его характер. Несчастливая звезда российских императоров, кажется, тогда и взошла над его судьбой.

Современники вспоминают, что уже в десять лет взгляд Павла сделался схожим со взглядом старика. Напряженная и непосильная для ребенка духовная работа изнуряла его тело и ум. Быть может, если бы у Павла появились товарищи-сверстники, детские игры и игрушки, он сумел бы позабыть о разыгравшейся трагедии, но этого не было.

Императрица Екатерина, уже привыкшая видеть в сыне не

ребенка, а соперника, как к взрослому и относилась к нему. Нет-нет! Ничего похожего на «голштинскую педагогию» она не применяла. У Павла было все.

Еще восьми лет от роду Павла пожаловали полковником в лейб-кирасирский полк, а в десять – назначили генерал-адмиралом Российского флота.

Хотя Екатерина II и опасалась Павла, она никогда не пользовалась своей властью, чтобы досадить ему или как-то стеснить. Просто она забывала, что ее соперник – ее сын, и главное, что это вообще ребенок. Поэтому-то так мало напоминали богато обставленные покои великого князя детскую. Как, впрочем, и вся его жизнь в те годы очень мало напоминала детство.

В 1764 году Иван Иванович Бецкой составил «Общий Регламент для воспитания детей обоего пола». Опираясь на модные тогда идеи Жан-Жака Руссо и набирающих силу масонов, в Регламенте рекомендовалось удалять детей из естественной среды, из общества, из семьи и до двадцати лет держать в узком кругу воспитателей. Нельзя сказать, что все правила Регламента были осуществлены в воспитании Павла, но общий дух его пронизывал детство будущего императора. И, перечитывая записки учителя Павла – полковника Семена Прошина, ясно видишь это.

«1764 год. 20 сентября. День рождения Его Императорского Высочества: минуло десять лет…»

С утра Павел ходил с матерью-императрицей к обедне, после выслушал проповедь отца Платона и поплакал. Возвратившись к себе, принимал поздравления от придворных, потом позавтракал. Потом в одиночестве играл на бильярде. В шесть часов отправился на бал. В десятом часу лег опочивать. Вот такой день…

Еще один день одиночества и холода, еще один день взрослого человека десяти лет от роду.

Екатерина II не жалела денег на Павла. Не жалела она денег и на игрушки для него, но игрушки эти точно соответствовали нешуточным званиям, возложенным на Павла.

Второго октября 1764 года в приемной зале у Павла появился четырехметровый корабль, сделанный мастером Качаловым. Все было настоящим на этом корабле – все снасти, вся палубная обстановка. Это и был настоящий, только уменьшенный корабль. Его можно было разглядывать, можно было изучать по нему устройство парусного оснащения, но играть с этим кораблем было нельзя. Павел забрал с корабля шлюпку и поставил на стол. Установил парус, потом разложил весла… Шлюпка тоже была

настоящей, только притворившейся игрушкой, и скоро Павел позабыл и про нее.

На следующий день, как пишет Семен Прошин, «Его Высочество изволил разбирать и укладывать сигнальные флаги у корабля своего». Вот и все игры. А другие «игрушки»?

«7 октября. Незадолго перед обедом поднес Его Высочеству артиллерийский один офицер родом грузинец князь Чухлыманов две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли деревянными ядрами».

Пушечки эти, изготовленные в 1756 году мастером Даниловым в масштабе один к двенадцати, и сейчас хранятся в Военно-морском музее Санкт-Петербурга.

Но о том, как играл этими пушечками Павел, как и тем кораблем, что несколько дней простоял в приемной зале, кроме короткой записи Прошина, не найти ни полслова. Это более чем странно, ведь Павел – первый русский (опять первый!) император, дни детства которого расписаны почти по минутам.

А может быть, потому и нет записей, что не играл. Может, потому и не играл, что ясно понимал – все это не игрушки. И корабль, притворившийся игрушкой, и гаубицы, и звания, возложенные на него…

При чтении дневников Семена Прошина ясно ощущается диссонанс, пронизывающий все детство Павла.

«Граф Иван Григорьевич читал Его Высочеству рапорт от капитана Плещеева из Средиземного моря».

И тут же, почти без всякого перехода:

«Великий князь изволил говорить, что в республике (так Павел называл свою птичню. – *Н. К.)* снегири представляют стариков, овсянки старух, чижики буянов, а зяблики кокеток…»

В одной из комнат у великого князя была сделана решетчатая птичня, в другой стоял токарный станок.

Словно бы пытаясь позабыть о страшном взрослом мире, где любовник матери убил его отца, о том мире, из которого приносят ему рапорты боевых офицеров флота и притворяющиеся игрушками взрослые вещи, Павел сам придумывал себе игры. Ему казалось, что при нем находится особый конный отряд из дворян в 200 человек и в этом отряде он состоит ефрейтором. Часто в виде игры он бегал, размахивал руками, давал приказы – производил упражнения с воображаемым отрядом. Рассматривая планы и виды Парижа, великий князь воображал себя полковником и производил распределение полка по местности.

Эти жутковатые – они совершались в полном одиночестве – игры пугали воспитателей Павла, хотя, возможно, они и понимали, что Павел обращается к ним, чтобы хоть как-то

освоиться в окружающем взрослом мире, «проходя по всем ступеням службы», а не начиная с чина генерал-адмирала Российского флота. Кстати, по сообщению Семена Прошина, в своем воображаемом конном отряде дворян Павел «дослужился» только до чина вахмистра.

Эти одинокие игры одиннадцатилетнего мальчика, заполняя разрыв в самой методике воспитания, чрезвычайно развивали и обостряли болезненную фантазию и мечтательность. Однажды Прошин застал Павла в задумчивости сидящим за столом, на котором стояла стеклянная пирамида.

– Чем вы заняты, ваше высочество? – спросил он.

– Ах! – вздыхая, ответил Павел. – Я так в свой корабль вгляделся, что и эта пирамида кораблем мне кажется, когда немного призадумаюсь…

Потом он отодвинул пирамидку и приказал «принести себе из столярной пилку» и долго пилил что-то. Потом лег опочивать.

Размышляя о характере своего воспитанника, Семен Прошин записывал:

«У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться… Гораздо легче Его Высочеству понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него, дружбу и милость»[1].

Великий князь, свидетельствовал архимандрит Платон, «наружностью всякого, в глаза бросающегося более прельщался, нежели углублялся во внутренность».

О нервности, непредугадываемости характера Павла пишет и преподаватель астрономии и физики Франц Иванович Эпиниус: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке – порвется эта ниточка, машинка завернется и тут конец уму и рассудку…»

Странно читать эти записи, потому что беспрепятственно, на много лет вперед различают воспитатели Павла его будущую судьбу. И потому и различают, что уже тогда печать ее отчетливо лежала на лице воспитанника, на его характере. Потому что и сам он, кажется, уже тогда очень ясно различал вперед свою собственную судьбу.

«…Выслушав историю Мальтийского ордена, великий князь вообразил себя Мальтийским кавалером», – записывал Семен Прошин.

Так и рос Павел.

Современники утверждают, что народ всегда радостно встречал великого князя. В нем, а не в немке Екатерине, видели законного наследника престола.

Павлу было двенадцать лет, когда отношения с матерью-императрицей окончательно испортились. Случилось это 9 июля 1766 года: Павел отказался принимать участие в праздновании годовщины восшествия Екатерины II на престол. Павел считал этот день годовщиной убийства отца. Он спрятался. Ночью поднялся шум – братья Орловы обыскивали петергофский парк и дворец. Забившись в темную каморку, Павел прислушивался к грохоту сапог и думал, что его сейчас найдут и убьют, как убили отца.

И не об этой ли страшной детской ночи вспоминал русский император Павел в холодном, наполненном, как и прошедшее детство, одиночеством Михайловском замке, когда накинет Яков Скарятин на его шею удавку?..

Глава вторая

Впрочем, Павел и жил всю свою жизнь как будто с удавкой на шее. Двадцатого августа 1772 года ему исполнилось восемнадцать лет. Он достиг совершеннолетия, но мать не уступила престол, хотя клялась, совершая переворот, сделать это.

Более того: когда Екатерина заметила, что великая княгиня Наталья Алексеевна[2] внушает мужу мысли, дескать, у него больше прав на престол, нежели у матери, она нашла возможность расправиться с дерзкой супротивницей.

Когда великой княгине пришла пора рожать, пять дней не отходила императрица-мать от ее постели, но на ноги роженица больше не встала. И ослушницу тогда Екатерина покарала, и сына на время отвлекла от мыслей о престоле.

– Мертвых не воскресить, – сказала ему императрица-мать. – Надо думать о живых. Разве оттого, что воображали себя счастливым, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возвратить ее? Итак… Я предлагаю вам, ваше величество, станем искать эту другую.

– Кто она? – спросил Павел, пораженный, что мать уже подыскала ему новую невесту. – Какова она?

– Кроткая, хорошенькая, прелестная… Одним словом, сокровище: сокровище приносит с собою радость.

Вюртембергская принцесса София-Доротея, с которой Павел познакомился в Берлине, действительно понравилась ему.

Она показалась недурною собой, стройной. Была принцесса не застенчива, отвечала на вопросы умно и расторопно. Павел одобрил выбор матери.

Пятнадцатого апреля 1776 года скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, а уже 26 сентября 1776 года состоялось бракосочетание великого князя с Софией-Доротеей, принявшей в православии имя Марии Федоровны.

Через год родился сын Александр, и Павел снова попытался расширить свое участие в управлении Российской империей, но в результате был вообще отстранен матерью от государственных дел.

Когда мать подарила ему в 1783 году Гатчину, Павел переехал туда, выстроил школу, больницу, четыре церкви для различных вероисповеданий, завел стеклянный и фарфоровый заводы, суконную фабрику и шляпную мастерскую. Однако самым любимым делом Павла было устройство своей гатчинской армии.

«Великий князь, в качестве генерал-адмирала, потребовал себе батальон морских солдат с несколькими орудиями, а как

шеф кирасиров – эскадрон этого полка, чтобы образовать гарнизон Гатчины, – пишет в своих „Записках“ Н. А. Саблуков. – Оба желания великого князя были исполнены, и таким образом положено начало пресловутой „гатчинской армии“…

Батальон и эскадрон разделились на мелкие отряды, из которых каждый изображал полк императорской гвардии. Все они были одеты в темно-зеленые мундиры и во всех отношениях напоминали собою прусских солдат. Во всех гатчинских войсках офицерские должности занимали люди низкого происхождения, так как ни один порядочный человек не хотел служить в этих полках, где господствовала грубая прусская дисциплина…

Что это были за офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из ста тридцати двух офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства».

Екатерина не вмешивалась в гатчинские затеи, поскольку уже окончательно решила устранить сына от правления, передав трон своему внуку Александру Павловичу.

Мы рассказывали, что после рождения великого князя Николая Павловича Екатерина пыталась привлечь на свою сторону и великую княгиню Марию Федоровну. И хотя та отказалась участвовать в этом предприятии, Екатерина своих хлопот не оставила.

Поэтому-то, когда 5 ноября 1796 года за обедом на мельнице Павлу доложили, что из Петербурга прибыл гонец со срочным донесением, великий князь помрачнел.

Какие срочные дела могли быть к нему у матери? Императрица могла, конечно, известить, решилась ли судьба брака великой княжны Александры Павловны со шведским королем, но вероятнее было, что посланец прибыл, чтобы арестовать его и – об этом давно ходили слухи – отвезти в замок Лоде.

– Що там таке? – выходя из-за стола, спросил Павел у гусара-малоросса, принесшего ему это известие.

– Шталмейстер граф Николай Александрович Зубов приихав, ваше высочество, – ответил гусар.

– Зубов? Брат Платона?! – Павел нахмурился. Похоже, что сбывались самые пессимистические прогнозы. Зачем, спрашивается, присылать к нему курьером брата всесильного князя Платона Александровича Зубова, последнего любовника матери? – А богацько их?[3]

Гусар, вспомнив часто слышанную русскую пословицу, решил

блеснуть знанием русского языка.

– Один, як пес, приихав, ваше высочество.

– Ну, с одним псом можно и справиться, – облегченно проговорил Павел и перекрестился.

Когда Павел узнал настоящую причину появления Николая Зубова в Гатчине, внезапный переход от ожидания превратиться в бесправного арестанта к ощущению себя самодержавным правителем вызвал такое сильное удушье, словно на горло накинули петлю. Лицо Павла побагровело, несколько мгновений новый император не мог произнести ни звука. Он только мотнул головой, глядя на высокого, атлетически сложенного красавца, привезшего ему долгожданную весть.

Николай Зубов вежливо опустил глаза.

Еще не пришло время. Еще больше четырех лет оставалось до той ночи на 12 марта 1801 года, когда зажатой в кулаке табакеркой проломит Николай Зубов голову своего императора. Наконец Павел взял себя в руки и приказал закладывать карету. Не прошло и получаса, как с супругой, великой княгиней Марией Федоровной, помчался он в Петербург, навстречу судьбе…

«Проехав Чесменский дворец, наследник вышел из кареты, – пишет Ф. В. Ростопчин. – Я привлек его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая; холода было не более трех градусов, луна то показывалась из-за облаков, то опять скрывалась. Стихии, как бы в ожидании важной перемены, пребывали в молчании, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погоде, я увидел, что наследник устремил взгляд свой на луну, и, при полном ее сиянии, мог я заметить, что глаза его наполнялись слезами, и даже текли слезы по лицу».

О чем думал в эти минуты Павел? Может быть, вспоминал, как везли его, восьмилетнего, ночью на 27 июня 1762 года из Петергофа в Зимний дворец?

Или вспоминал грохот орловских сапог 9 июля 1766 года, когда он, Павел, забился в темную каморку, чтобы не принимать участия в праздновании годовщины восшествия матери на престол, а Орловы начали обыскивать дворец и парк? Или думал он о сне, который минувшей ночью приснился одновременно и ему, и великой княгине?.. Павел чувствовал в этом сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносит его к небу. Он часто просыпался, засыпал и опять просыпался от повторения этого же сновидения… Приметив, что великая княгиня не спит, Павел рассказал ей о своем сновидении и узнал, что и она то же самое видела во сне и тем же самым была несколько раз разбужена.

Перебросившись несколькими французскими фразами с

Федором Васильевичем Ростопчиным, Павел приказал ехать дальше. Дорогой беспрерывно встречались посланные из Петербурга курьеры, они разворачивались назад, и теперь за каретой следовала длинная свита саней.

Вечером около девяти часов прибыли в Зимний дворец. Великие князья Александр и Константин встретили Павла в мундирах своих гатчинских батальонов. «Прием, ему сделанный, был уже в лице государя, а не наследника», – пишет Ф. В. Ростопчин.

Павел сразу же прошел к умиравшей матери, которая все еще лежала на полу.

Расспросив медиков, есть ли надежда, и получив отрицательный ответ, Павел приказал поднять мать на кровать и прошел с супругою в угольный кабинет, прилегавший к спальне Екатерины, где она незадолго до этого пила кофе и обдумывала, как составить указ об отрешении Павла от наследования престола.

Всю ночь Павел безвыходно провел во внутренних покоях императрицы, призывая в угольный кабинет тех, с кем хотел разговаривать.

Вызванные должны были проходить через спальню, где все еще шумно дышала императрица. Лицо ее было искажено то ли болью, то ли бессильной злобой. В кабинете тоже слышно было «воздыхание утробы» и хрипение умирающей Екатерины. По временам из гортани ее извергалась темная мокрота.

В угольном кабинете той ночью Павел принял Аракчеева, прискакавшего, по его приказанию, вслед за ним из Гатчины. Воротник Алексея Андреевича забрызгало грязью от скорой езды, и великий князь Александр Павлович, узнав, что Аракчеев выехал из Гатчины в одном мундире, не имея с собой никаких вещей, повел его к себе и дал ему собственную рубашку.

Следом за Алексеем Андреевичем в приемных Зимнего дворца начали появляться гатчинцы в своих непривычных для екатерининских вельмож мундирах.

«Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки, – писал Г. Р. Державин, – и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом…»

Екатерина еще дышала, когда Павел приказал собрать и запечатать бумаги, находившиеся в кабинете, и, как отмечено в камер-фурьерском журнале, «сам начал собирать оныя прежде всех».

Существует предание, что граф Александр Андреевич Безбородко, помогавший Павлу собирать бумаги, указал на пакет, перевязанный черною лентою. Павел вопросительно взглянул на

Безбородко, тот молча кивнул на топившийся камин.

Павел бросил пакет в огонь. Считается, что в пакете было подписанное Екатериной завещание. Кажется, только этот перевязанный черною лентою пакет и связывал Екатерину Великую с земной жизнью.

Едва запылал он, объятый пламенем, как стихли хрипы императрицы. Искаженные то ли мукою, то ли бессильной злобою черты лица разгладились, и она превратилась в простую, правда сильно ожиревшую немецкую старушку…

– Милостивые государи! – выйдя в дежурную комнату, объявил граф Самойлов. – Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол.

«Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенных мною в карауле во дворце, – писал Н. А. Саблуков. – Что это была за суета, что за беготня вверх и вниз, взад и вперед! Какие странные костюмы! Какие противоречивые слухи! Императорское семейство то входило в комнату, в которой лежало тело покойной императрицы, то выходило из оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потере, другие самонадеянно улыбались в ожидании получить хорошие места».

Глава третья

Павел занимал трон всего четыре с половиной года. Вот его портрет, сделанный графиней Ливен, которая имела все основания не любить его.

«Император Павел был мал ростом. Черты лица имел некрасивые, за исключением глаз, которые у него были очень красивы; выражение этих глаз, когда Павел не подпадал под власть гнева, было бесконечно доброе и приятное. В минуты же гнева вид у Павла был положительно устрашающий. Хотя фигура его была обделена грациею, он далеко не был лишен достоинства, обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами; все это запечатлевало его особу истинным изяществом и легко обличало в нем дворянина и великого князя.

Он обладал литературною начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселью, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершенстве, любил Францию, а нравы и вкусы этой страны воспринял в свои привычки. Разговоры он вел скачками, но всегда с непрестанным оживлением. Он знал толк в изощренных и деликатных оборотах речи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себе представить что-либо более изящное, чем краткие милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия.

Я говорю это по опыту, потому что мне не раз до и после

замужества приходилось соприкасаться с императором. Он нередко наезжал в Смольный монастырь, где я воспитывалась; его забавляли игры маленьких девочек, и он охотно сам даже принимал в них участие. Я прекрасно помню, как однажды вечером в 1798 году я играла в жмурки с ним, последним королем Польским, принцем Конде и фельдмаршалом Суворовым; император тут проделал тысячу сумасбродств, но и в припадках веселости он ничем не нарушал приличий. В основе его характера лежало величие и благородство – великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью».

Но такие портреты Павла в дворянской историографии редкость. Чаще Павла изображали в виде этакой копии его официального отца – императора Петра III. Это ложь. Павел совершенно не походил на Петра III. И ничего похожего на «деяния» Петра III в правлении Павла тоже не происходило.

Пятого апреля 1797 года, когда в Москве состоялась коронация, император Павел достал составленный им девять лет назад совместно с Марией Феодоровной акт о наследовании престола старшим сыном и, начертав: «Верно. Павел» – положил в специальный ковчежек в алтаре Успенского собора.

Так был восстановлен отмененный Петром I закон о наследовании престола. Этот акт существенно ограничивал свободу монарха в выборе преемника. Престол теперь должен был наследовать старший сын, независимо от борьбы дворцовых партий и придворной конъюнктуры. Благодетельность для страны этого акта мы покажем в посвященных царствованию последних русских императоров очерках, а пока скажем, что еще в день коронации Павла был обнародован манифест о трехдневной барщине и запрещено обезземеливание крестьян.

Велико было тогда возмущение рабовладельцев-крепостников, но оно стало еще сильнее, когда через неделю Павел отменил указ 1785 года, освобождающий дворян от телесных наказаний. Осужденные за уголовные преступления рабовладельцы теряли былую привилегию.

Павел значительно ограничил дворянское рабовладение, запретив продажу крестьян без земли[4].

Еще большее возмущение екатерининских вельмож, забывших, как это можно жить без взяток и казнокрадства, вызвала попытка Павла «открыть все пути и способы, чтобы глас слабого, угнетенного был услышан». Для этого императором был устроен «ящик» или, как его называли иначе, «окно», в которое каждый желающий мог опустить прошение на имя императора.

«Оно помещалось, – писал Н. А. Саблуков, – в нижнем этаже

дворца, под одним из коридоров, и Павел сам хранил у себя ключ от комнаты, в которой находилось это окно[5]. Каждое утро, в седьмом часу, император отправлялся туда, собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал или заставлял одного из своих статс-секретарей прочитывать себе вслух.

Резолюции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться в какое-нибудь судебное место или иное ведомство и затем известить Его Величество о результате этого обращения.

Этим путем обнаружились многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания, и остается только сожалеть, что Его Величество иногда действовал слишком стремительно и не предоставлял наказания самим законам, которые покарали бы виновного гораздо строже, чем это делал император, а между тем он не подвергался бы зачастую тем нареканиям, которые влечет за собою личная расправа.

Не припомню теперь в точности, какое преступление совершил некто князь Сибирский, человек высокопоставленный, сенатор, пользовавшийся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступок его, каков бы он ни был, обнаружился через прошение, поданное государю вышеописанным способом, и князь Сибирский был предан уголовному суду, приговорен к разжалованию и к пожизненной ссылке в Сибирь. Император немедленно утвердил этот приговор, который и был приведен в исполнение, причем князь Сибирский, как преступник, публично был вывезен из Петербурга, через Москву, к великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственников».

Сожаление Саблукова о том, что Павел не предоставлял наказания самим законам, которые покарали бы виновного гораздо строже, чем это делал император, едва ли можно считать заслуживающим внимания. Надо было знать, что самые отъявленные казнокрады, взяточники и лихоимцы и следили в екатерининской России за исполнением законов. Вот уж воистину, если бы Павел отдал исполнение жалоб в их ведение, они были бы чрезвычайно довольны.

Нелепы и другие упреки современников Павла. Они укоряют императора, что он ввел в армии муштру, уволил со службы без права ношения мундира А. В. Суворова, возвысил А. А. Аракчеева.

Но забывают, что тот же Павел присвоил Александру Васильевичу Суворову чин генералиссимуса, а верного Алексея Андреевича Аракчеева дважды увольнял со службы, на которую тот возвратился первый раз благодаря заступничеству наследника престола, великого князя Александра Павловича, а второй раз был возвращен ввиду готовящегося заговора. Однако тогда, при жизни Павла, не успел возвратиться… Вечером 11 марта 1801 года Аракчеев примчался в Петербург, но на заставе его не пропустили в город.

Муштра же выразилась прежде всего в том, что Павел запретил офицерам кутать подобно барышням свои изнеженные ручки в меховые муфты и ездить на военные учения в каретах, запряженных шестериком лошадей.

Гонения на гвардию достигли пика, когда Павел запретил крепостникам записывать своих младенцев-отпрысков в гвардию и тем самым лишил их «выслуги лет», которую они ранее, лежа в колыбелях, приобретали наравне с солдатами, совершающими боевые походы.

Разумеется, гвардейцам, в совершенстве овладевшим искусством изменять своей присяге и почитающим это искусство главнейшей добродетелью, требования Павла, касающиеся повышения боеспособности, не могли не казаться чрезмерными. Сама мысль, что аристократические гвардейские полки могут использоваться не только для совершения дворцовых переворотов, но и для проведения военных операций, казалась рабовладельцам нелепой и отчасти даже сумасшедшей.

«Убежденный, что нельзя более терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастные последствия общей революции, граф Пален опять явился к великому князю Александру, прося у него разрешения выполнить задуманный план, уже не терпящий отлагательства. Он прибавил, что последние выходки императора привели в высочайшее волнение все население Петербурга различных слоев и что можно опасаться самого худшего», – пишет генерал Левин Август Теофил Беннигсен, возвращенный в Петербург по ходатайству фон Палена специально для участия в перевороте.

Поэтому и «принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором и где бы он был лишен возможности делать зло».

Наступление Павла на свободу, или, как выражались дворянские писатели, занятые «информационным обеспечением» цареубийства, «удушение им свободы», выразившееся в ограничении рабовладения и безнаказанности творимого знатью

беззакония, не прибавляло симпатии к Павлу со стороны крепостников. Однако, если мы не разделяем усиленно внушаемой и нынешними «демократами» точки зрения, что какой-то определенный класс людей или какая-то определенная национальность имеют право жить за счет угнетения своих соотечественников, мы должны и о правлении Павла судить не по отношению к нему крепостников, а по конкретным делам, совершенным в те годы.

А дела эти такие.

Учреждена Российско-американская компания; основаны духовные академии в Петербурге и Казани; основан Клинический повивальный институт; учреждена медико-хирургическая академия; основана первая хозяйственная школа в Павловске…

При Павле началось заселение южной части Восточной Сибири, прилегающей к границам Китая, и принято «единоверие» – компромисс между старообрядчеством и православием; при Павле впервые издано «Слово о полку Игореве»…

В 1781 году граф Безбородко составил по указанию Екатерины «инвентарь» ее деяний за девятнадцать лет царствования. Оказалось, что за это время было устроено по новому образцу 29 губерний, построено 144 города, заключено 30 конвенций и трактатов, одержано 78 побед, издано 88 замечательных указов и еще 123 указа для облегчения народа. Итого было совершено почти полтысячи дел…

В число 30 конвенций и трактатов Александр Андреевич Безбородко, разумеется, не преминул включить договор, заключенный 31 марта 1764 год между Россией и Пруссией. По этому договору Пруссия обязалась продвигать любовника Екатерины II – Станислава Понятовского – на польский престол. Мудрый Фридрих II успокаивал тогда свою верную помощницу Екатерину II, что он «достаточно знает польскую нацию, чтобы быть уверенным – расточая в пору деньги и употребляя непосредственные угрозы… вы доведете их до того состояния, какого желаете».

В число одержанных побед включалась, должно быть, и вторая «выгонка» старообрядцев с Ветки в 1786 году, завершившая окончательный разгром старообрядческих поселений на острове, и победы, одержанные генералами и фельдмаршалами над крестьянским войском Емельяна Пугачева.

Очень интересно, фигурировал или нет в числе указов, «изданных для облегчения народа», документ от 17 января 1765 года, предоставляющий помещикам право ссылать крепостных на каторгу на какой угодно срок?

А указ от 22 августа 1767 года о ссылке навечно на каторжные работы в Нерчинск крестьян, подающих жалобы на своих владельцев? А распоряжение от 21 июля 1768 года о запрещении раскольникам строить церкви и часовни?

А впереди еще будет 3 мая 1783 года – законодательное закрепощение крестьян на Украине, «чтобы уровнять в правах малороссийских дворян с дворянами великорусскими».

«Инвентарь» свершений императора Павла числом не так богат, но по важности для страны он, безусловно, превосходит все свершения Екатерины, про которую, если уж и говорить, что она великая, то обязательно прибавляя «немка» или «прусачка», потому что почти все совершенное Екатериной для России было злом или оборачивалось злом, как, например, присоединение земель, полученных при разделе Польши[6].

Говоря так, мы не пытаемся идеализировать образ Павла.

Екатерина II сделала все, чтобы воспитать сына вне православия, вне русской духовной культуры, в духе модных тогда полумасонских, полупросветительских теорий. Воспитатели настойчиво требовали от Павла, чтобы он «из славных французских авторов» выучивал наизусть места, «где заключаются хорошие сентенции». Заучивание «хороших сентенций» помогало скрывать отсутствие собственных мыслей, но развивать национальную мысль оно не помогало. С помощью заученных сентенций невозможно было не только полюбить Россию, но и узнать, и понять ее.

И Павел так и не сумел до конца постичь страну, которой он правил. Чувствуя несправедливость, он пытался исправить ее и отчасти исправлял, но иногда тут же забывал, что нужно продолжать исправление далее. Особенно ярко эта непоследовательность проявилась в отношении Павла к крепостному праву.

«Будучи весьма строг относительно всего, что касалось государственной экономии, и стремясь облегчить тягости, лежащие на народе, император Павел был, несмотря на это, весьма щедр при раздаче пенсий и наград за заслуги, причем в этих случаях отличался истинно царскою милостью, – пишет Н. А. Саблуков. – Во время коронации в Москве он раздал многие тысячи государственных крестьян важнейшим сановникам государства и всем лицам, служившим ему в Гатчине, так что многие из них сделались богачами. Павел не считал этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предрассудительным для общего блага, ибо он полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев, чем тех лиц, которые обыкновенно назначаются для

заведывания государственными имуществами».

Парадокс? Несомненно.

Увы… Преобразовательная деятельность Павла лишена была последовательности и твердости. И стоит ли удивляться, что так часто Павла преследовали неудачи?

Все, совершенное им для облегчения народа, сделано руководствуясь исключительно чувством высокой, рыцарской справедливости. Этого рыцарства, кстати сказать, у Павла не отнимали даже самые злые его карикатуристы. Но никаким самым высоким чувством справедливости невозможно компенсировать непонимание России.

Точно так же, как никакой мистицизм не способен заменить православия.

В этом и заключалась личная трагедия Павла, но, если бы он был иным, кто знает, удалось бы ему главное дело его жизни: основание новой династии – или нет?

Глава четвертая

Удивительное ощущение возникает у каждого, кто бесстрастно вглядывается в этот исторический персонаж.

Происходит немыслимое. Человек эпохи Просвещения, окруженный множеством образованных людей, оставивших сотни дневниковых и мемуарных свидетельств, он не улавливается в сети памяти. В многочисленных записках, посвященных его правлению, мы находим только вздорные карикатуры или фантастические слухи, напоминающие волнение, что возникает в помещении, когда через него быстро проходит большой человек, самого же императора мы видим в другом, эпически-легендарном, измерении, где и положено находиться основателю новой императорской династии.

Можно подробно проследить все политические события и тенденции, приведшие к «мальтийской затее», когда Павел взял под свое покровительство Орден Мальтийских рыцарей, а 29 ноября 1798 года принял и звание Великого магистра державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского[7].

Звучит, разумеется, диковато. Не зря некоторые исследователи сопоставляют это предприятие по своему безумию с затеей Петра I принять в русское подданство пиратов Мадагаскара.

Однако, если мы вспомним, что звание Великого магистра Павел принял накануне заключения в Петербурге союзного договора с Англией, а в Константинополе – союзного и оборонительного договора с Турцией, то в контекст этих договоров «мальтийская затея» впишется совершенно естественно. Мальта была важна стратегически для борьбы с угрозой превращения Средиземного моря во «французское озеро».

Напомним, что именно тогда и состоялась знаменитая русско-турецкая экспедиция под командой Ф. Ф. Ушакова в Средиземном море. Эскадра Ф. Ф. Ушакова подошла к Ионическим островам. Острова были освобождены от французов. Крепость на острове Корфу взята в осаду.

Какое же тут безумие? Напротив. Все в этой затее стратегически и политически обосновано. И если непостижимое и присутствует, то проявляется оно в другом.

Все политические резоны и стратегические расчеты, связанные с «мальтийской затеей», как и другие перипетии «рыцарской» войны Павла с Наполеоном, существуют как бы без соприкосновения с Россией, вне русской жизни. Они занимают в русской истории такое же место, как сказка или обрывок древнего эпоса, по ошибке вклеенные в серьезный учебник.

Павел в облачении Великого магистра державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Знаменитый, вошедший во все учебники военного искусства, переход Суворова через Альпы… Штурм Ушаковым крепости Корфу…

В. О. Ключевский писал, что царствованию Павла «принадлежит самый блестящий выход России на европейской сцене». На наш взгляд, эти великие походы и сражения принадлежат истории XVIII века так же мало, как и египетские походы Наполеона…

Они разновременны с событиями, которые происходили тогда в России и в мире. Они из того древнего эпоса, в котором Божия воля осуществляется зримо и очевидно для всех, где вожди, герои и рыцари существуют не как образы, а как объективная реальность, формирующая новые великие династии и государства.

Но зарождение подлинных царских династий и должно происходить в подобной мистически-древней глубине, а не среди придворных интриг «шурья». Не криками подкупленных, полупьяных казаков утверждается династия, а в древнем эпосе, где живут герои и рыцари. И что толковать, дескать, это время давно миновало. Время тоже в Божией воле, и то Божие чудо, которое было сотворено с историей в конце XVIII века, лучшее доказательство этому.

После всех трудов энциклопедистов и просветителей, после революционного атеизма зарождается династия Наполеона. И тут же мы видим рождение династии Павла. И рождаются обе эти династии не придворными интригами, а подвигами героев и рыцарей.

Анализ внешней политики Павла без учета вневременной, эпообразующей составляющей бессмыслен. Вся павловская политика обращается тогда в хаос, который только и улавливают мемуаристы, воспитанные в духе екатерининского вольтерьянства и афеизма.

Действительно, Россия то воюет с Францией, защищая Средиземное море, то вступает в союз с Францией, чтобы совершить индийский поход. Это не вмещалось в сознание екатерининских вельмож, заменивших способность к размышлению заимствованием у французских просветителей общепризнанных истин и готовых шаблонов, облеченных в красивые фразы.

Военный переворот, совершенный Наполеоном Бонапартом 19 брюмера (11/22 ноября) 1799 года, поставил точку на французской революции. Став первым консулом, Наполеон стремительно вывел из войны Австрию, а в 1801 году начал переговоры с Павлом об изъятии совместными усилиями жемчужины английской короны – Индии.

Эта русско-французская экспедиция достойна была, по словам Наполеона, «увековечить первый год XIX столетия и правителей, замысливших это полезное и славное предприятие». Целью похода должно было стать безвозвратное изгнание англичан из Индостана и освобождение богатой страны от британского ига.

Наполеон предполагал использовать общую армию в семьдесят тысяч человек, из коих с русской стороны двадцать пять тысяч регулярных войск всех родов оружия и десять тысяч казаков.

Французские войска должны были спуститься по Дунаю в Черное море. Затем на транспортных судах переплыть Черное и Азовское моря и высадиться в районе Таганрога. Дальнейший

план такой: французский корпус идет вдоль правого берега Дона до казачьего городка Пяти-Избянки. Достигнув его, армия переправляется через Дон и сухим путем идет к Царицыну, а оттуда спускается к Астрахани. Там французские войска садятся на суда и отправляются в Астрабад, приморский персидский город, который становился главною квартирой союзной армии, – сюда подходили русские войска и казачьи части, и здесь сосредоточивались военные и продовольственные магазины. Выступив в поход, русско-французская армия идет через города Герат, Ферах и Кандигар и достигает правого берега Индуса.

По расчетам Наполеона, марш французской, а затем объединенной армии должен был занять от Дуная до берегов Индуса 120 дней.

Перед высадкой русских войск в Астрабаде Наполеон планировал послать комиссаров обоих правительств ко всем ханам и малым деспотам тех стран, через которые будет проходить армия. Комиссары эти должны разъяснить, что армия двух могущественнейших в мире наций пройдет через их владения, дабы достичь Индии; что единственная цель этой экспедиции состоит в изгнании из Индустана англичан, поработивших эти прекрасные страны, некогда столь знаменитые, могущественные и богатые произведениями и промышленностью, что они привлекали народы всей вселенной к участию в дарах, которыми Небу благоугодно было осыпать их; что ужасное положение угнетения, несчастий и рабства, под которым ныне стенают народы тех стран, внушило живейшее участие Франции и России; что вследствие этого эти два правительства положили соединить свои силы для освобождения Индии от тиранского ига англичан; что государям и народам тех государств, через которые пройдет союзная армия, нечего опасаться; что, напротив, их приглашают содействовать всеми способами успеху этого полезного и славного предприятия; что эта экспедиция по тем причинам, по каким предпринимается, так же справедлива, как была несправедлива экспедиция Александра Македонского, желавшего покорить всю вселенную; что союзная армия не будет требовать контрибуций; что она будет покупать только добровольно продаваемые ей жизненные припасы и расплачиваться чистыми деньгами; что самая строгая дисциплина будет удерживать армию в исполнении ее обязанностей; что вера, законы, обычаи, нравы, собственность и женщины будут всюду уважаемы.

Индийский поход Наполеон решил повторить по плану уже проведенного им египетского и никаких сомнений в успехе не испытывал. Тотчас по достижении союзного армией берегов

Индуса должны были начаться военные действия.

Индийский поход готовился в России в глубочайшей тайне: в него не был посвящен даже наследник престола – цесаревич Александр.

Двенадцатого января 1801 года атаману войска Донского Василию Петровичу Орлову был отправлен секретный приказ: немедленно поднять казачье войско и двинуться на Оренбург, а оттуда через Бухарию и Хиву выступить на реку Индус, «чтобы поразить неприятеля в его сердце».

На следующий день Павел I писал атаману: «Василий Петрович, посылаю вам подробную и новую карту всей Индии. Помните, что вам дело до англичан только, мир со всеми, кто не будет им помогать… Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась».

Около 30 тысяч казаков с артиллерией пересекли Волгу и в середине января 1801 года двинулись в Казахстан. Бонапарт тем временем предложил несколько изменить план экспедиции, отправив французские войска не через Германию, а из Египта.

«Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше, – анализируя разработанный Наполеоном план, писал историк С. Б. Окунь. – Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надир-Шаха. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной».

Повторим, что весь индийский поход готовился в России в глубочайшей тайне. Все приказы записывались под диктовку государя и отдавались прямо из его кабинета, в запечатанных конвертах для отправки на Дон. Ливену, который непосредственно занимался этим, строго-настрого было запрещено сообщать кому-либо о сделанных распоряжениях.

Когда казачье войско вдруг двинулось в волжские степи, многие вначале думали, что император решил переселить их в другое место (здесь и надо искать источник слуха о сосланном в Сибирь полке), и только потом английской разведке во Франции удалось выяснить, куда «безумный» император надумал заслать казаков.

Считается, что совместные действия Франции и России на индийском направлении привели к падению 2 февраля 1801 года правительства Питта. Одновременно с этим они ускорили и

действия заговорщиков в России.

Глава пятая

Когда мы читаем в мемуарах, что «безумие этого несчастного государя (нельзя сомневаться в том, что он был не в своем уме) дошло до таких пределов, что долее не было возможности выносить его», не нужно думать, будто авторы подобных сочинений неискренни.

Мы уже говорили, что политика Павла была не всегда последовательной, много проявлялось императором ненужной горячности, много было совершено ошибок от недостаточного знания и понимания русского характера и самой России. Медленно, как бы на ощупь, пытался сформировать Павел направление национально ориентированной политики. И этим он настолько напугал рабовладельцев своей империи, что действительно казался им безумным.

Ощущение безумия императора в глазах других людей пытались создать, искажая его приказы, преувеличивая наказания, которым он подвергал подчиненных за пустяковые нарушения, всячески шаржируя его поступки…

Поразительно, но, невзирая на смену общественного строя, в России и монархической, и коммунистической, и демократической существует единый стереотип поведения, опираясь на который антирусские силы действуют против тех руководителей нашей страны, которые пытаются проводить национальную политику. Начинают эти силы свою борьбу с неугодной им властью попыткой окарикатурить все действия правительства. Причем делается это не только не вполне допустимыми в цивилизованной политической борьбе приемами: преувеличением совершенных ошибок, распусканием не совсем верных слухов, но и совершенно недопустимым преувеличением, так сказать, в действии.

Так было, например, во время сталинских чисток тридцатых годов, когда чекистские начальники, тайно симпатизируя представителям ленинско-троцкистской гвардии, сознательно доводили репрессии до немыслимых размеров, подвергая репрессиям не только большевиков-ленинцев, троцкистов и зиновьевцев, но и людей, никакого отношения к этим ненавистникам России не имеющих.

Точно так же действовали и враги императора Павла.

Граф Петр Алексеевич Пален рассказывал графу Ланжерону что однажды, воспользовавшись хорошим настроением императора, «когда ему можно было говорить что угодно», разжалобил его насчет участи разжалованных офицеров.

Павел «был романического характера, он имел претензию на великодушие. Во всем он любил крайности: два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы вернуть назад в Петербург всех сосланных и исключенных со службы. Приказ, дарующий им помилование, был продиктован мне самим императором. Тогда я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучил Беннигсена и Зубовых, необходимых мне (для организации заговора против Павла – *Н. К.),* и 2) еще ***усилил общее ожесточение против императора:*** я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы от одного чувства к другому, от одного намерения к другому, совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также и следующие за ними. Случилось то, что я предвидел, ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных: каждое утро подавали императору донесения с застав. Вскоре ему опротивела эта толпа прибывающих: ***он*** перестал принимать их, затем стал просто гнать и тем ***нажил себе непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать с голоду у ворот Петербурга*** (выделено нами – *Н. К.)».*

Сам Павел понимал это, но исправить ситуацию не мог. «Меня выставляют за ужасного невыносимого человека, – говорил Павел в апреле 1800 года шведскому послу, – а я не хочу никому внушать страха».

К этим словам императора можно было бы отнестись с некоторым скепсисом, но вот что любопытно. Самые спокойные месяцы правления Павла – сентябрь-октябрь 1800 года. Неслышно становится о жутких экзекуциях, меньше обрушивается опал. А что случилось?

Да ничего. Просто как раз в эти месяцы граф Пален отправлен командовать армией на прусской границе, а должность военного губернатора Петербурга исполняет генерал-лейтенант Александр Сергеевич Свечин[8].

Любопытно, что граф Никита Петрович Панин пытался вовлечь Свечина в заговор. Он объявил ему, что решено заставить Павла отречься от престола в пользу сына Александра. Свечин был отважным генералом, героем Русско-шведской войны 1788–1790 годов. Он с негодованием отверг предложение Панина, но объявил при этом, что «не изменит доверию» Никиты Петровича и не будет доносить на него.

На этом дело и закончилось, если не считать того, что через две недели Александру Сергеевичу Свечину пришлось освободить место военного губернатора для графа Палена: не могли

заговорщики оставить такой пост за человеком, который не поддерживает их. Другое дело Пален.

Фон дер Палену было в 1801 году пятьдесят шесть лет. С главными заговорщиками он был знаком давно. В армии Петра Ивановича Панина воевал ротмистром еще в Турецкой кампании 1770 года, с Платоном Александровичем Зубовым познакомился в бытность свою правителем Рижского наместничества.

Зубов проезжал тогда через Ригу в Митаву осматривать свои имения, и фон дер Пален расстарался. Встретил Платона Александровича так, что удостоился гнева императора Павла.

«С удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезд князя Зубова через Ригу, – написал тогда Павел. – Из сего я и делаю сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмеренно будет».

Пален был выключен со службы, но через полгода принят снова и получил возможность лично представиться Павлу.

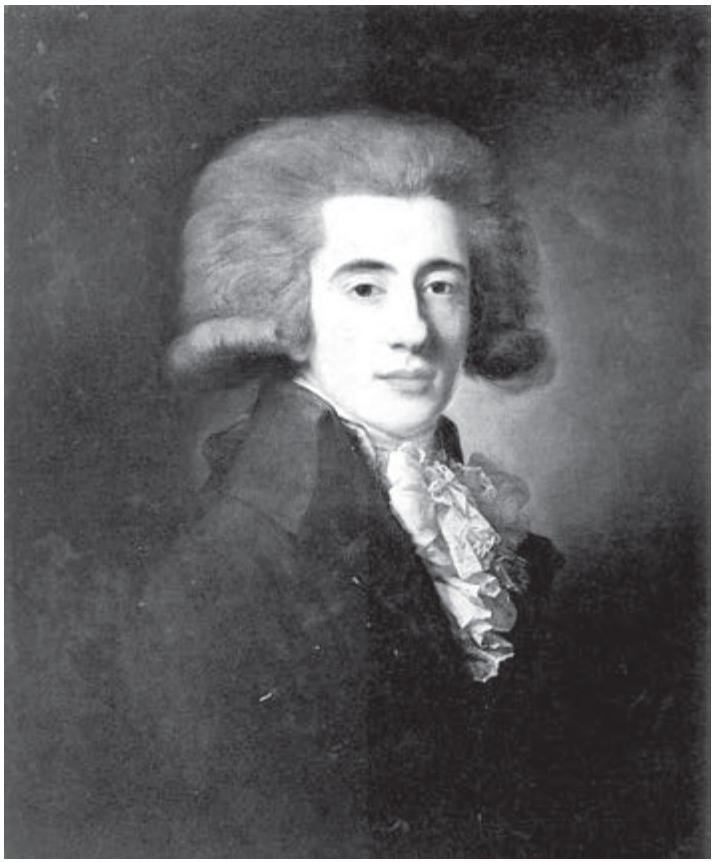
Человек умный, хитрый и совершенно аморальный, фон дер Пален славился умением быстро нащупывать слабости собеседника и самым бессовестным образом играть на них. Говорят, что в родной Лифляндии о Палене говорили: Er hat die Pfiffologie studiert – от немецкого слова pfiffing – хитрый, ловкий, пронырливый человек, который всегда запутывает других, а сам никогда не остается в дураках. Самое любопытное, что Пален и сам употреблял это выражение, желая похвалить кого-либо.

Стремительна его карьера в Петербурге. Тридцать первого марта 1798 года Пален пожалован чином генерала от кавалерии и 28 июля назначен санкт-петербургским военным губернатором. В этой должности он находился до 12 августа 1800 года, когда Павел поручил ему командование армией, выдвинутой на границу с Пруссией.

На примере интриги, посредством которой были возвращены в Петербург Беннигсен и Зубовы, мы видели, как ловко использовал Пален маску преданного императору человека. Будучи прекрасным психологом, он играл на лучших чувствах Павла, чтобы употребить достигнутое во вред ему.

Как плелись нити заговора, точно установить сейчас

невозможно, но на основании многочисленных свидетельств можно сделать вывод, что вначале заговором руководили Никита Петрович Панин[9] и генерал де Рибас. В заговор был посвящен и наследник престола великий князь Александр Павлович.



«…Граф Панин, – писал в своих записках Беннигсен, – обратился к великому князю. Он представил ему те несчастия, какие неминуемо должны явиться результатом этого царствования, если оно продлится; только на него одного нация может возлагать доверие, только он один способен предупредить роковые последствия, причем Панин обещал ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, от имени нации бразды правления. Граф Панин и генерал де Рибас были первыми, составившими план этого переворота. Последний так и умер, не дождавшись осуществления этого замысла, но первый не терял надежды спасти государство. Он сообщил свои мысли военному губернатору графу Палену. Они еще раз говорили об этом великому князю Александру и убеждали его согласиться на переворот, ибо революция, вызванная всеобщим недовольством,

должна вспыхнуть не сегодня завтра, и уже тогда трудно будет предвидеть ее последствия. Сперва Александр отверг эти предложения, противные чувствам его сердца. Наконец, поддавшись убеждениям, он обещал обратить на них свое внимание и обсудить это дело столь огромной важности, так близко затрагивающее его сыновние обязанности, но вместе с тем налагаемое на него долгом по отношению к его народу. Тем временем граф Панин, попав в опалу, лишился места вице-канцлера, и Павел сослал его в подмосковное имение, где тот, однако, не оставался праздным.

Он (Панин – *Н. К.)* сообщал графу Палену все, что мог узнать о мнениях и недовольстве столицы (Москвы – *Н. К),* на которую можно было смотреть как на орган всей нации.

Убежденный, что нельзя терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастные последствия общей революции, граф Пален опять явился к великому князю Александру, прося у него разрешения выполнить задуманный план, уже не терпящий отлагательства. Он прибавил, что последние выходки императора привели в величайшее волнение все население Петербурга различных слоев и что можно опасаться самого худшего».

Тут можно передать слово и самому Палену.

«Сперва Александр был, видимо, возмущен моим замыслом… он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца.

Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представляя ему на выбор – или престол, или же темницу, и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средства для достижения развязки, настоятельность которой он сам не мог не сознавать».

Глава шестая

И военный губернатор Санкт-Петербурга Петр Алексеевич Пален, и граф Никита Петрович Панин, пытавшийся вовлечь Свечина в заговор, были сторонниками союза с Англией. И не только они. Очень многим представителям петербургского высшего света безумием казалось вступать в конфликт с Англией. И не геополитические соображения причина тому, не англомания. Все было гораздо проще.

«Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными и колониальными за сырые произведения нашей почвы, – писал Фонвизин. – Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекало ***все для нас необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов*** (выделено нами *Н. К.)* со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и проч. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу…»

Это свидетельство дорогого стоит. Это – бесценные штрихи к портрету российского дворянства. Какие там государственные интересы, какая там верность присяге! Главное, что благосостояние нарушается! Из-за этого и на убийство помазанника Божия можно пойти. Тем более, что не впервой было русскому дворянству идти на такое.

Штаб-квартирой заговорщиков стал салон Ольги Александровны Жеребцовой на Исаакиевской площади. Ольга Александровна только в замужестве стала Жеребцовой, а по рождению была сестрой братьев Зубовых. Семейство это весьма любопытное.

Платон Александрович Зубов был последним фаворитом Екатерины II.

Секунд-ротмистром двадцати двух лет он прорвался в постель шестидесятилетней ожиревшей императрицы, а вышел из нее светлейшим князем, генерал-фельдцейхмейстером, над фортификациями генеральным директором, главноначальствующим флотом Черноморским, Вознесенскою легкою конницей и Черноморским казачьим войском, шефом Кавалергардского корпуса…

Благодаря постельной отваге Платона Александровича выдвинулись и его братья – Валериан Александрович и Николай Александрович Зубовы. Николай Александрович Зубов, высокий красавец атлет, между прочим, женился на дочери Александра Васильевича Суворова[10].

Неожиданную кончину своей «старушки» братья Зубовы встретили без паники. Николай Александрович Зубов сразу полетел в Гатчину и первым привез Павлу радостное известие, за что и был пожалован орденом Андрея Первозванного. А Платон Александрович Зубов, по слухам, указал Павлу место, где Екатерина хранила касающиеся самого Павла бумаги.

Как бы то ни было, но вопреки мнению, что Павел якобы преследовал всех фаворитов матери, братья Зубовы сохранили все свои должности и звания. В первое время, кажется, они еще более укрепили свои позиции и попали в опалу наравне с другими вельможами. Впрочем, еще в царствование Павла они были прощены и возвращены к прежним должностям. Сделано это было, как мы уже говорили, по настоянию графа Палена.

Кроме трех братьев имелась в дружной зубовской семье и сестра. Ольга Александровна Жеребцова отличалась – родовая черта Зубовых – необыкновенной красотой и – тоже родовая черта? – столь же необыкновенным корыстолюбием. Будучи в интрижке с английским послом сэром Чарльзом Уитвортом, она приняла его предложение организовать за два миллиона рублей государственный переворот в России.

Из салона Ольги Александровны Жеребцовой-Зубовой и начинают растекаться слухи, что Павел якобы страдает припадками буйного умопомешательства. Здесь переписываются все новые и новые экземпляры памфлета поручика Марина. Императора чернят за союз с Наполеоном, обвиняют в намерениях извести казачество.

Приказ атаману Орлову только еще послан, казаки еще только движутся к Волге, но в сплетнях, распускаемых из салона Жеребцовой-Зубовой, ходит слух, что Павел решил уничтожить все донское казачество, что казачьи эскадроны уже гибнут в безлюдных степях. Здесь же, в салоне, рождается легенда о полке, сосланном императором Павлом прямо с парада в Сибирь.

Ну, а главное, в салоне вербуют молодых гвардейских офицеров – пехоту грядущего дворцового переворота. Чтобы придать отваги будущим цареубийцам, Ольга Александровна уверяет, что на всякий случай на Неве будет стоять английская яхта, она примет на борт заговорщиков в случае неудачи.

Английская яхта – чистый блеф. Неоткуда было взяться на Неве английской яхте, поскольку еще в начале года в ответ на захват англичанами Мальты было наложено эмбарго на все английские суда, находящиеся в российских портах. Сама Ольга Александровна Жеребцова во всяком случае ни на какой яхте не собиралась спасаться. За день до цареубийства она выехала за границу. Об убийстве Павла она узнала уже в Берлине и со

спокойной совестью поехала в Лондон, чтобы получить честно заработанные миллионы.

Многие участники заговора, как бы пытаясь оправдать преступление, совершенное ими, в своих воспоминаниях назойливо подчеркивают, что о заговоре знали многие, но никто не донес. Значит, делают они вывод, Павел был так ненавистен, что практически все желали его гибели, но не могли решиться на это сами.

Скажем сразу, что это не соответствует истине.

Доносы делались, и, хотя многие из них перехватывались ближайшим окружением Павла, вовлеченным в заговор, Павлу все-таки стало известно о заговоре.

Об этом свидетельствует сам Петр Алексеевич Пален, рассказавший графу Ланжерону что 7 марта, когда в семь часов утра он вошел в кабинет императора, чтобы отрапортовать о состоянии столицы, Павел остановил его.

– Господин фон Пален, – спросил он. – Вы были здесь в 1762 году? – Да, ваше величество…

– Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?

– Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, не подозревая, что происходит: но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?

– Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год. Пален, как он признавался потом сам, затрепетал от страха, что заговор раскрыт, но он был готов к этому, и готов был нужный ответ.

– Да, ваше величество, – ответил он. – Хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

– Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите!

– Сущую правду ваше величество! Я должен сделать вид, что участвую в заговоре, но участвую ввиду моей должности, ибо как иначе мог бы я узнать, что намерены они делать? Я вынужден притворяться, что хочу способствовать их замыслам. Но не беспокойтесь… Вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя

гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома… Каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только семь лет.

– Все это верно, – сказал Павел. – Но, конечно, не надо дремать. Поверил ли Павел Палену? Если и поверил, то не до конца. Через день он отправил опальному графу Аракчееву письмо:

«С получением сего вы должны явиться немедленно. Павел». Это послание и ускорило гибель императора. Граф Пален, которому стало известно о вызове Аракчеева, понял, что оттягивать задуманное более невозможно.

Аракчеев явился по зову императора.

Как рассказывает Н. А. Саблуков, он прибыл в Петербург вечером 11 марта, когда Павел был еще жив, но его – такое было отдано распоряжение военным губернатором фон Паленом! – не пропустили через заставу.

Глава седьмая

«11 (23) марта 1801 г., утром, я встретил князя Зубова в санях, едущим по Невскому проспекту, – вспоминая этот черный день, пишет Беннигсен. – Он остановил меня и сказал, что ему нужно переговорить со мной, для этого он желает поехать ко мне на дом. Но, подумав, он прибавил, что лучше, чтобы не видели вместе, и пригласил меня к себе ужинать. Я согласился, еще не подозревая, о чем может быть речь, тем более что я собирался на другой день выехать из Петербурга в свое имение в Литве. Вот почему я перед обедом отправился к графу Палену просить у него, как у военного губернатора, необходимого мне паспорта на выезд.

Он отвечал мне: „Да отложите свой отъезд, мы еще послужим вместе, – и добавил: – князь Зубов вам скажет остальное“.

Я заметил, что все время он был очень смущен и взволнован. Так как мы были связаны дружбой издавна, то я впоследствии очень удивлялся, что он не сказал мне о том, что должно было случиться; хотя все со дня на день ожидали перемены царствования, но, признаюсь, я не думал, что время уже настало.

От Палена я отправился к генерал-прокурору Обольянинову чтобы проститься, а оттуда часов в десять приехал к Зубову. Я застал у него только его брата, графа Николая, и трех лиц, посвященных в тайну, – одно было из сената, и ему предназначалось доставить туда приказ собраться, лишь только арестуют императора. Граф Пален позаботился, велел заготовить необходимые приказы, начинавшиеся словами: „По высочайшему повелению“, и предназначенные для арестования нескольких лиц в первый же момент.

Князь Зубов сообщил мне условленный план, сказав, что в полночь совершится переворот.

Моим первым вопросом было: кто стоит во главе заговора? Когда мне назвали это лицо, тогда я, не колеблясь, примкнул к заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы ***спасти нацию от пропасти*** (выделено нами – *Н. К.),* которой она не могла миновать в царствование Павла.

До какой степени эту истину все сознавали, видно из того, что, несмотря на множество лиц, посвященных в тайну еще накануне, никто, однако, ее не выдал.

Немного позже полуночи я сел в сани с князем Зубовым, чтобы ехать к графу Палену. У дверей стоял полицейский офицер, который объявил нам, что граф у генерала Талызина и там ждет нас.

Мы застали комнату полной офицеров; они ужинали у генерала, причем большинство находились в подпитии, – все были посвящены в тайну. Говорили о мерах, которые следует принять, а между тем слуги беспрестанно входили и выходили из комнаты».

Заговорщики условились, что генерал Талызин соберет свой гвардейский батальон неподалеку от Летнего сада; а генерал Депрерадович – свой, также гвардейский, батальон на Невском проспекте, вблизи Гостиного Двора. Во главе этой колонны будут находиться военный губернатор и генерал Уваров. Во главе первой – трое братьев Зубовых и Беннигсен. По пути к ним присоединится «пехота» – завербованные в салоне Ольги Александровны Жеребцовой исполнители цареубийства. Граф Пален со своей колонной должен был занять главную лестницу замка, а колонна Зубовых – Беннигсена – пройти по потайным лестницам, чтобы убить императора в его спальне.

Тут тоже нужно сделать пояснение. Почти никто из участников заговора не употребляет слово «убийство». Его заменяют эвфемизмом «арест» или выражениями типа «лишить возможности делать зло».

Делается это не столько из страха перед расплатой (чего опасаться, если подельником с тобою проходит новый император), сколько в соответствии с обычаями екатерининского времени ни о какой вещи не говорить прямо, а изъясняться пусть и непонятно, но прилично и велеречиво. И только такие циники, как Петр Алексеевич Пален, позволяли себе говорить об этом со свойственной прибалтийским немцам грубоватой прямотой.

«Но я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца, – рассказывал он графу Ланжерону, – я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обагрит и столицу, и губернии».

Это к тому, что все знали, на что они идут. И «пехота» заговора, и сами великие князья.

Косвенно подтверждают это и воспоминания Н. А. Саблукова, который в заговоре не участвовал и которого по этой причине

заговорщикам надобно было отстранить от участия в охране Михайловского замка.

Дело в том, что по расписанию 11 марта эскадрон конногвардейцев, которым командовал Н. А. Саблуков, должен был нести караул в Михайловском замке.

Как и положено, в 10 часов утра Саблуков вывел свой караул на плац-парад. Там во время развода к нему подошел адъютант полка и сообщил, что по именному приказанию великого князя Константина Павловича Саблуков назначен сегодня дежурным полковником по полку.

«Это было совершенно противно служебным правилам, – пишет Н. А. Саблуков в своих „Записках“, – так как на полковника, эскадрон которого стоит в карауле и который обязан осматривать посты, никогда не возлагается никаких иных обязанностей. Я заметил это несколько раздраженным тоном и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, к удивлению всех, оказалось, что ни его, ни великого князя Александра Павловича не было на разводе.

Так как я не имел права не исполнить приказание великого князя, то я повел караул во дворец и, напомнив офицеру о всех его обязанностях (ибо я не рассчитывал уже видеть его в течение дня), вернулся в казармы, чтобы исполнить мою должность дежурного по полку».

В 8 часов вечера, приняв рапорты от дежурных офицеров пяти эскадронов, Саблуков отправился в Михайловский замок, чтобы сдать рапорт шефу своего полка великому князю Константину.

Выходя из саней у большого подъезда, он встретил камер-лакея собственных его величества апартаментов, который спросил Саблукова, куда тот идет. Саблуков отвечал, что идет к великому князю Константину.

– Пожалуйста, не ходите, – попросил камер-лакей. – Ибо я тотчас должен донести об этом государю.

– Не могу не пойти, – сказал Саблуков. – Я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к его высочеству; так и скажите государю.

Когда Саблуков вошел в переднюю Константина Павловича, Рутковский, его доверенный камердинер, спросил с удивленным видом:

– Зачем вы пришли сюда?

– Вы, кажется, все здесь с ума сошли! – ответил Саблуков, бросая шубу на диван. – Я дежурный полковник.

Только тогда Рутковский отпер дверь в зал.

Пока Саблуков отдавал Константину рапорт, «прокрадываясь, как испуганный заяц», в зале появился великий князь Александр.

Но тут же из задней двери вошел император Павел. Церемониальным шагом, в сапогах и шпорах, со шляпой в одной руке и тростью в другой, словно на параде, он направился к великим князьям.

Александр поспешно убежал в собственные апартаменты, а Константин застыл, хлопая себя по карманам, «словно безоружный человек, очутившийся перед медведем». Саблуков, повернувшись по уставу на каблуках, отрапортовал императору о состоянии полка.

– А, ты дежурный! – сказал император, учтиво кивнул и пошел назад к двери.

Когда он вышел, Александр, немного приоткрыв свою дверь, снова заглянул в комнату. Наконец громко захлопнулась дверь в соседнем зале, куда ушел император, и только тогда Александр вернулся в зал.

– Ну, братец, что скажете вы о моих конногвардейцах? – указывая на Саблукова, сказал ему Константин. – Я говорил вам, что он не испугается!

– Как? – удивился Александр. – Вы не боитесь императора?

– Нет, ваше высочество, – ответил Саблуков. – Чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кроме великого князя, и то потому, что он мой прямой начальник, точно так же, как мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня.

– Так вы ничего не знаете? – спросил Александр.

– Ничего, ваше высочество, кроме того что я дежурный не в очередь.

– Я так приказал, – сказал Константин.

– К тому же, – сказал Александр, – мы оба под арестом.

Еще Саблуков узнал от великих князей, что Обольянинов во дил их сегодня в церковь присягать в верности императору Павлу…

Это существенная подробность.

Весьма показательно и поведение великого князя Александра Павловича за три часа до убийства отца. Если Александр Павлович знал, чем закончится «лишение императора возможности делать зло», то объяснимым становится тот панический страх, которым был объят будущий император.

Было чего бояться… Нелегко, должно быть, смотреть в глаза своему отцу, зная, что через несколько часов его убьют по твоему приказу.

«В последующих моих беседах с императором Александром, – пишет князь Адам Чарторыйский, – последний неоднократно рассказывал мне совершенно искренно о своем ужасном

душевном волнении в эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось от горя и отчаяния. Да оно и не могло быть иначе, ибо в такие минуты он не мог не думать об опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству в случае неудачи заговора».

А убийцы уже собрались тогда у Зубовых, где отважный любовник прежней императрицы сказал горячую речь, в которой описал «плачевное положение России», указал на «бедствия, угрожающие государству и частным лицам, если безумные выходки Павла будут продолжаться. Он указал на безрассудность разрыва с Англией…»

Свою речь Зубов закончил заявлением, что великий князь Александр, удрученный бедственным положением родины, решился спасти ее и что таким образом все дело сводится теперь лишь к тому, чтобы низложить императора Павла, заставив его подписать отречение в пользу наследника престола. Провозглашение Александра, по словам оратора, спасет отечество и самого Павла от неминуемой гибели. В заключение граф Пален и Зубовы категорически заявили всему собранию, что настоящий проект вполне одобрен Александром.

«С этого момента, – пишет князь Адам Чарторыйский, – колебания заговорщиков прекратились: пили за здоровье будущего императора, и вино полилось рекою. Пален, оставивший на время собрание, поехал во дворец и вскоре вернулся, принеся известие, что ужин в Михайловском замке прошел спокойно, что император, по-видимому, ничего не подозревает и расстался с императрицей и великими князьями как обыкновенно».

Ужин у Зубовых между тем продолжался, и всеобщее возбуждение росло благодаря обильным возлияниям, большинство же гостей были сильно навеселе, причем несколько человек уже едва держались на ногах. Наконец время, назначенное для исполнения заговора, наступило. В полночь все встали из-за стола и двинулись к Михайловскому замку.

Проводником колонны, в которой шли братья Зубовы и Беннигсен, был адъютант Преображенского полка Александр Васильевич Аргамаков, знавший все потайные ходы и комнаты, так как ему по нескольку раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказание императора. Аргамаков повел заговорщиков сперва в Летний сад, потом по мостику в дверь, сообщавшуюся с Летним садом, далее по лесенке, которая привела убийц в маленькую кухоньку, смежную с прихожей перед спальней Павла.

Здесь Аргамаков постучался в дверь, запертую на ключ.

– Кто там? – раздался голос камердинера Павла. – Что нужно?

– Я адъютант государя! – отвечал Аргамаков. – Можно ли спрашивать, что мне нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже шесть часов. Отпирай скорее!

– Как шесть часов? – возразил камердинер. – Еще и двенадцати нет. Мы только что улеглись спать.

– Вы ошибаетесь! – сказал Аргамаков. – Ваши часы, вероятно, остановились. Теперь более шести часов. Открывайте, а то из-за ваших часов меня посадят под арест.

Обманутый камердинер открыл дверь.

Беннигсен переговоры Аргамакова с камердинером постарался не расслышать. В его воспоминаниях заговорщики сразу попали в прихожую.

«Там мы застали камер-гусара, который спал крепчайшим сном, сидя и прислонившись головой к печке. Из всей толпы офицеров, сначала окружавших нас, оставалось теперь всего человека четыре да и те вместо того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот поднял крик.

Пораженные, все остановились, предвидя момент, когда общая тревога разнесется по всем комнатам.

Я поспешил войти вместе с князем Зубовым в спальню, где мы действительно застали… императора уже разбуженным этим криком и стоящим возле кровати, перед ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: „Вы арестованы, ваше величество!“…»

Прервем тут рассказ генерала Беннигсена. Фонвизин рассказывает, что Павел, встревоженный шумом, вскочил с постели, схватил шпагу и спрятался за ширмами. Князь Платон Зубов, не видя Павла на постели, испугался, но Беннигсен, хладнокровно осмотрев помещение, нашел Павла, спрятавшегося за ширмами со шпагою в руке, и вывел его из засады.

Самое замечательное здесь – подчеркнутое хладнокровие генерала. Если Платон Александрович и позволил себе для храбрости хватануть за ужином лишку, то генерал Беннигсен был трезв и предельно собран.

Когда он произнес слова об аресте, Павел обернулся к князю Зубову.

– Что вы делаете, Платон Александрович? – спросил он.

«В эту минуту, – свидетельствует Беннигсен, – вошел в комнату офицер нашей свиты и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались гвардии, что один поручик не был извещен о перемене, которая должна совершиться. Несомненно, что император никогда не оказывал

несправедливости солдату и привязал его к себе, приказывая при каждом случае щедро раздавать мясо и водку в петербургском гарнизоне.

Тем более должны были бояться этой гвардии, потому что граф Пален еще не прибыл со своей свитой и батальоном для занятия главной лестницы замка, отрезавшей всякое сообщение между гвардией и покоями императора.

Князь Зубов вышел, и я с минуту оставался с глазу на глаз с императором, который только глядел на меня, не говоря ни слова.

Мало-помалу стали входить офицеры из тех, что следовали за нами. Первыми были подполковник Яшвиль, брат артиллерийского генерала Яшвиля, майор Татаринов и еще несколько других.

Я должен здесь прибавить, что так как за последнее время было сослано и удалено со службы огромное количество офицеров всех чинов, то я уже не знал почти никого из тех, кого теперь видел перед собой, и они тоже знали меня только по фамилии.

Тогда я вышел, чтобы осмотреть двери, ведущие в другие покои; в одном из них, между прочим, были заперты шпаги арестованных офицеров. В эту минуту вошло еще много офицеров.

Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император по-русски – сперва: „Арестован, что это значит арестован“? Один из офицеров отвечал ему: „Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!“ На это он возразил: „Что я сделал?“ Вот единственные, произнесенные им слова.

Офицеры, число которых еще возросло, так что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которые были опрокинуты на пол. Мне кажется, он хотел освободиться от них и бросился к двери, и я дважды повторил ему: „Оставайтесь спокойным, ваше величество, – дело идет о вашей жизни!“

В эту минуту я услыхал, что один офицер, по фамилии Бибиков, вместе с пикетом гвардии вошел в смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, в чем будет состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не более нескольких минут».

Фонвизин рассказывает, что «несколько угроз, вырвавшихся у несчастного Павла, вызвали ярость Николая Зубова, который был силы атлетической. Он держал в руке золотую табакерку и с размаха ударил ею Павла в висок, – это было сигналом, по которому князь Яшвиль, Татаринов, Горданов и Скарятин бросились на него, вырвали из его рук шпагу: началась с ним

отчаянная борьба. Павел был крепок и силен: его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и, наконец, задавили шарфом Скарятина»…

Но самое замечательное у Фонвизина, однако, идет далее.

«В начале этой гнусной, отвратительной сцены Беннигсен вышел в предспальную комнату, на стенах которой развешены были картины, и со свечкою в руке преспокойно рассматривал их. Удивительное хладнокровие. Не скажу – зверское жестокосердие, потому что генерал Беннигсен во всю свою службу был известен как человек самый добродушный и кроткий. Когда он командовал армией, то всякий раз, когда ему подносили подписывать смертный приговор какому-нибудь мародеру, пойманному на грабеже, он исполнял это как тяжкий долг, с горем, с отвращением и делая себе насилие. Кто изъяснит такие несообразные странности и противоречия человеческого сердца!»

Барон Левин Август Теофил Беннигсен появился на свет близ Ганновера. Будучи обладателем богатого родового поместья, на русскую службу Беннигсен поступил в 1773 году, не принимая, однако, русского подданства.

Во время польской кампании барон познакомился с Валерианом Александровичем Зубовым, и с этого момента в карьере его произошел перелом. Награды и повышения в званиях так и посыпались на него.

Участие Беннигсена в убийстве императора Павла было

предопределено его близостью к братьям Зубовым. Император прозорливо отметил, увольняя Беннигсена со службы: «Имею я повод думать, что Беннигсен у нас не весьма усерден, и особенно лично ко мне…»

Тем не менее по ходатайству Палена Беннигсен был возвращен и теперь хладнокровно разглядывал со свечкой в руках картины на стенах, ожидая, когда «пехота» завершит цареубийство. В отличие от пьяных офицеров русской гвардии, вообразивших, что чем гнуснее будут они убивать императора, тем более будет заслуга, Беннигсен прекрасно понимал, что для продолжения стремительной карьеры надобно, по крайней мере, уклониться от прямого участия в цареубийстве[11]. Он так и поступил. Полюбовавшись картинами, он вернулся в спальню императора.

«Кто-то из офицеров сказал мне: с ним покончили! Мне трудно было этому поверить, так как я не видел никаких следов крови. Но скоро я в том убедился собственными глазами. Итак, несчастный государь был лишен жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намерениям тех, кто составлял план этой революции, которая, как я уже сказал, являлась необходимой. Напротив, прежде было условлено увезти его в крепость, где ему хотели предложить подписать акт отречения от престола».

В своих мемуарах Беннигсен, не довольствуясь собственным алиби, тут же называет и имена подлинных убийц.

«Припомните, генерал, что было много выпито вина за ужином, предложенным… офицерам, бывшим виновниками этой сцены, которую, к несчастью, нельзя вычеркнуть из истории России».

Примечание это весьма существенное, поскольку у фон Палена тоже хватило ума не принимать непосредственного участия в убийстве императора Павла. Беннигсен, однако, исправляет эту несправедливость.

«Должен прибавить, – пишет он, – что граф Пален, обращаясь к этим офицерам, сказал им между прочим: „Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца“. Не знаю, с каким намерением было употреблено это выражение, но эти слова могли подать повод к ложным толкованиям».

Правда, другие участники цареубийства подозревают, что, в отличие от Беннигсена, Пален подстраховывался не только от неприятностей, связанных с раздражением будущего императора на убийц отца, но заодно и от гнева самого Павла в случае провала переворота.

«Пален тоже пришел на место действия, когда уже все было кончено, – пишет Фонвизин. – Или он гнушался преступлением и

даже не хотел быть свидетелем его, или, как иные думали, он действовал двулично: если бы заговор не увенчался успехом, он явился бы к императору на помощь, как верный его слуга и спаситель».

«Думают, – замечает по этому поводу граф Ланжерон, – что Пален, адский гений которого все предвидел, а в особенности не забыл ничего, что могло касаться его лично, уклонился от деятельного участия не потому, как он уверял меня, что хотел исполнить обещание, данное великому князю Александру, а для того, чтобы быть в состоянии, если не удастся предприятие, броситься на помощь к императору: не желая сам совершать преступления, он, зная хладнокровие и невозмутимое мужество Беннигсена, призвал его, чтобы заменить себя, и правда, что без Беннигсена ничего не удалось бы».

«Весть о кончине Павла была тотчас же доведена до сведения графа Палена, который расположился на главной аллее у замка с несколькими батальонами гвардии, – вторит Фонвизину и Ланжерону княгиня Ливен. – Войска были собраны по его приказу, чтобы, глядя по обстоятельствам, или явиться на подмогу императору, или послужить для провозглашения его преемника. И в том, и в другом случае граф Пален питал уверенность, что ему на долю достанется первенствующая роль».

Если вспомнить, что, по рассказу самого фон Палена, он приказал великому князю одеться в мундир и ждать, поскольку потом дорога будет каждая минута и нового императора надобно будет показать войскам немедленно, адский гений его явит еще одно подтверждение. Ведь если бы Палену в случае провала цареубийства пришлось врываться во дворец, чтобы перебить заговорщиков, он смог бы предъявить одетого в мундир Александра, как доказательство того, что именно Александр и организовал заговор.

Воистину адский гений. Причем адский – без преувеличения.

Палену – вспомните разговор, который недавно состоялся у него с императором Павлом, когда Пален признался, что стоит во главе заговора, чтобы разоблачить его! – удалось отладить заговор до такого виртуозного совершенства, что все в нем: и «пехота» цареубийства, и Беннигсен, и братья Зубовы, и великий князь Александр, и сам император Павел – были только маленькими винтиками механизма, ключи от которого держал он, Пален.

Что он чувствовал, стоя с несколькими батальонами гвардии на главной аллее у замка? Пытался представить, что происходит сейчас в покоях императора? Нетерпеливо поглядывал на часы, выжидая, на чью сторону склонятся весы победы? Или просто с

холодной усмешкой смотрел, как приближается к нему из замка посланец?

И может быть, Пален уже готов был объявить батальонам, что в замке заговорщики покушаются на государя императора, и скомандовать идти на штурм. И уже все напряглось в нем… Еще минута, и он с обнаженной шпагой ворвется в замок во главе батальонов и, сметая на своем пути жизни товарищей по заговору, предстанет перед императором Павлом, как спаситель государя и Отечества… И таким и останется навеки.

И уже все дрожало, все пело в нем от восторга предстоящей схватки, но тут со страшным криком взлетела в воздух с крыши замка огромная стая ворон, захлопали в темном воздухе черные крылья.

Черный, как вороньи крылья, вышел из сумерек посланец.

– Тиран убит! – прошептал он, и Пален, словно он и не воображал себя минуту назад спасителем Отечества, поправил треуголку и деловито зашагал к замку.

Осталось только взглянуть на труп, и можно было идти докладывать о победе новому императору. Одетый, тот ожидал известия от заговорщиков.

Воистину адский гений.

Ну, а разудалые братья Зубовы выйти из спальни не догадались.

Сам светлейший князь Платон Александрович Зубов, хотя и был пьян, в избиении императора участия не принимал, а, отвернувшись, барабанил пальцами по оконному стеклу.

– Боже мой, как этот человек кричит! – проговорил он наконец. – Это невыносимо!

Услышав слова брата, Николай Александрович Зубов, который стоял рядом и нюхал табак, захлопнул массивную золотую табакерку и подошел к императору.

– Что ты кричишь? – сказал он, хватая Павла за руку.

– Дайте мне помолиться перед смертью! – закричал Павел, в гневе отталкивая его руку.

– Что ты кричишь?! – пьяно повторил Зубов и ударил Павла табакеркой в левый висок.

Считается, что этот удар и был смертельным, поскольку удавку, сделанную из шарфа Скарятина, так и не удалось затянуть. Впрочем, в той суматохе, что царила тогда в спальне государя, трудно было что-либо разглядеть толком, невозможно было ничего понять.

«Беннигсен не захотел мне больше ничего говорить, – пишет граф Ланжерон, – однако оказывается, что он был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве. Убийцы

бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитву, и, увидев одного офицера конной гвардии, приблизительно одного роста с великим князем Константином, он принял его за сына и сказал ему, как Цезарь Бруту: „Как! и ваше высочество здесь“. (Это слово – «высочество» – очень необычайно при подобных обстоятельствах.) Итак, несчастный государь умер, убежденный, что его сын был одним из его убийц, и это страшное сознание еще более отравило его последние минуты. Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел. Не знают, кому приписать позорную честь быть виновником его жестокой кончины; все заговорщики участвовали в ней, но, по-видимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежит главная ответственность в этом страшном злодействе. Оказывается, что Николай Зубов, нечто в роде мясника, жестокий и разгоряченный вином, который упился, ударил его кулаком в лицо, а так как у него была в руке золотая табакерка, то один из острых углов этой четырехугольной табакерки ранил императора под левым глазом».

Павел был сыном Екатерины II, и убил его ее последний любовник, его брат и их подручные.

Другой любовник Екатерины II со своими подручными, как мы уже говорили, убил императора Петра III, который был официальным отцом Павла.

Так и был убит император Павел. Во многих своих начинаниях Павел был первым.

Едва ли не самым первым был он в своей бескомпромиссной приверженности закону, перед которым почитал равными и своего «друга» Аракчеева, и любого из дворян.

Август Коцебу отметил в своих записках, что на следующий день, когда пьяные гвардейские офицеры, ликуя, поздравляли солдат: «Радуйтесь, братцы! Тиран умер!» – в ответ они слышали: «Для нас он был не тиран, а отец!»…

И все-таки самое страшное в ту ночь с 11 на 12 марта происходило не в спальне императора. Нет.

Услышав подозрительный шум, гренадеры Преображенского полка, стоявшие во внутреннем карауле, поняли, что царю угрожает опасность, и заволновались.

«Одна минута, – пишет Фонвизин, – и Павел мог быть спасен ими. Но Марин не потерял присутствия духа, громко скомандовал: „Смирно!“ От ночи и все время, как заговорщики управлялись с Павлом, продержал своих гренадер под ружьем неподвижными, и ни один не смел пошевелиться. Таково было

действие русской дисциплины на тогдашних солдат: во фронте они становились машинами».

Крики добиваемого императора, который пытался ограничить рабовладельческий беспредел, и русские гренадеры из императорского караула, что неподвижно застыли в строю, потому что им отдал такую команду нарушивший присягу рабовладелец – поручик Сергей Никифорович Марин…

Воистину, более страшного символа рабовладельческой империи не придумать.

Глава восьмая

А аристократический Петербург на утро 12 марта 1801 года торжествовал. Нельзя и сейчас без омерзения перечитывать страницы воспоминаний, посвященных описанию того торжества победителей.

«Лишь только рассвело, как улицы наполнились народом. Знакомые и незнакомые обнимались между собою и поздравляли друг друга с счастием – и общим, и частным для каждого порознь…» – пишет Беннигсен.

«Весть об этом событии была в целом государстве вестью искупления: в домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого воскресенья», – свидетельствует Н. М. Карамзин.

Впрочем, утверждает Фонвизин, «этот восторг изъявляло однако одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно».

Однако и среди дворян, радующихся убийству своего государя, тоже были порядочные люди.

Если судить по «Запискам» Н. А. Саблукова, некоторые из офицеров гвардии испытывали достаточно неприязненные чувства к своим товарищам, изменившим присяге.

«Желая расположить общественное мнение в свою пользу, Пален, Зубов и другие вожаки заговора решили устроить большой обед, в котором должны были принять участие несколько сот человек. Полковник N, один из моих товарищей по полку, зашел ко мне однажды утром, чтобы спросить, знаю ли я что-нибудь о предполагаемом обеде. Я отвечал, что ничего не знаю. „В таком случае, – сказал он, – я должен сообщить вам, что вы внесены в список приглашенных. Пойдете ли вы туда?“ Я отвечал, что, конечно, не пойду, ибо не намерен праздновать убийство. – „В таком случае, – отвечал N, – никто из наших также не пойдет“. С этими словами он покинул комнату».

Однако неприязненные чувства русский рабовладелец мог выказывать только по отношению к тем изменникам и цареубийцам, которые решались на это, так сказать, в приватном порядке. Когда же помазанника Божия «мочили» с согласия столпов высшего света, ни о каком осуждении и речи уже не могло идти.

«В тот же день граф Пален пригласил меня к себе и, едва я вошел в комнату, он сказал мне:

– Почему вы отказываетесь принять участие в обеде?

– Parce que je n'ai rien de commun avec ces messieurs[12], –

отвечал я.

Тогда Пален с особенным одушевлением, но без всякого гнева сказал: „Вы не правы, Саблуков! Дело уже сделано, и долг всякого доброго патриота, забыв все партийные раздоры, думать лишь о благе родины и соединиться вместе для служения отечеству. Вы так же хорошо, как и я, знаете, какие раздоры посеяло это событие: неужели же позволить им усиливаться?

Мысль об обеде принадлежит мне, и я надеюсь, что он успокоит многих и умиротворит умы. Но, если вы теперь откажетесь прийти, остальные полковники вашего полка тоже не придут, и обед этот произведет впечатление, прямо противоположное моим намерениям. Прошу вас поэтому принять приглашение и быть на обеде“».

Демагогия Палена не выдерживала никакой критики.

Как это можно осуждение цареубийства называть партийными раздорами? И можно ли соединяться для служения отечеству с только что нарушившими присягу цареубийцами? Но вот что странно. Н. А. Саблукова, человека умного и не замаравшего себя 11 марта и не изменившего присяге, хотя он и находился в самом центре событий, слова Палена убеждают.

Оказывается, что при всей его порядочности, общего у Н. А. Саблукова «с господами цареубийцами» все-таки больше, чем с простыми русскими солдатами. Как и братья Зубовы, как и хитрый Пален, Саблуков принадлежит к касте рабовладельцев, и нарушать ее законы, какими бы гнусными они ни были, не смеет.

«Я обещал Палену исполнить его желание, – пишет Н. А. Саблуков. – Я явился на этот обед и другие полковники тоже, но мы сидели отдельно (вот и весь возможный протест – *Н. К.)* от других, и, сказать правду, я заметил весьма мало единодушия, несмотря на то что выпито было немало шампанского. Много сановных и высокопоставленных лиц, а также придворных особ посетили эту оргию, ибо другого названия нельзя дать этому обеду. Перед тем, чтобы уйти, главнейшие из заговорщиков взяли скатерть за четыре угла, все блюда, бутылки и стаканы были брошены в средину и все это с большою торжественностью было выброшено через окно на улицу…»

Но выбрасывали цареубийцы не только грязную посуду. Свою честь – ведь все они изменили присяге! – тоже. А заодно и честь всех тех, кто хотя и отдельно, но тоже сидел за столом цареубийц.

Глава девятая

Когда Пален убедился, что Павел мертв, он отправился к цесаревичу Александру известить, что дело закончено. Платон Александрович Зубов отправился с той же целью к великому князю Константину Павловичу.

«Платон Зубов, – рассказывал потом тот, – пьяный вошел ко мне в комнату, подняв шум. (Это было уже через час после кончины моего отца.) Зубов грубо сдергивает с меня одеяло и дерзко говорит: „Ну, вставайте, идите к императору Александру; он вас ждет“. Можете себе представить, как я был удивлен и даже испуган этими словами. Я смотрю на Зубова: я был еще в полусне и думал, что мне все это приснилось. Платон грубо тащит меня за руку и подымает с постели: я надеваю панталоны, сюртук, натягиваю сапоги и машинально следую за Зубовым.

Вхожу в прихожую моего брата, застаю там толпу офицеров, очень шумливых, сильно разгоряченных, и Уварова, пьяного, как и они, сидящего на мраморном столе, свесив ноги.

В гостиной моего брата я нахожу его лежащим на диване в слезах. Тогда только я узнал об убийстве моего отца…»

«Великий князь Александр Павлович, – пишет Фонвизин, – в эту ночь не ложился спать и не раздевался; при нем находились генерал Уваров и адъютант его князь Волконский. Когда все кончилось и он узнал страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаяния. Воспоминание об этой страшной ночи преследовало его всю жизнь и отравляло его тайной грустью. Он был добр и чувствителен, властолюбие не могло заглушить в его сердце жгучих упреков совести даже и в самое счастливое и славное время его царствования, после Отечественной войны. Александр всей ненавистью возненавидел графа Палена, который воспользовался его неопытностью и уверил его в возможности низвести отца его с трона, не отняв у него жизни».

Но ненависть придет позднее. И жгучие упреки совести тоже.

Пока же слезы, льющиеся по щекам императора, не более чем театр. Поэтому, когда пьяный Платон Зубов привел великого князя Константина, фон Пален сказал:

– Полно ребячиться, ваше величество! Пошли! Надо успокоить караульных солдат!

Дальше, как всегда и бывает во время таких революций, все пошло бестолково и суматошно.

Вспомнили, что и граф Панин, и князь Зубов, и сам великий князь Александр, замышляя переворот, имели намерение не

только угодить англичанам, но и ввести умеренную Конституцию.

Платон Александрович даже брал у генерала Клингера для прочтения «Английскую конституцию» Делольма, и на основе нее изготовил свой проект. Никитой Ивановичем Паниным тоже был изготовлен вариант английской конституции, переделанной на русские нравы и обычаи. Был также проект Гавриила Романовича Державина, по которому в России следовало образовать нечто наподобие кортесов – органов сословного представительства на Пиренейском полуострове.

Насколько эти проекты были созвучны русской действительности, наглядно демонстрирует ошибка, сделанная Я. К. Гротом при публикации конституционной заметки Державина. Вместо «его кортесов» он напечатал «его картонов».

«Который же из проектов был глупее, – справедливо замечает по этому поводу князь А. Б. Лобанов-Ростовский, – трудно описать: все три были равно бестолковы».

– Где же бумаги? – был задан вопрос князю Зубову, когда вспомнили о национальных полномочиях конституционализма.

Тот начал рыться в карманах, но текста Конституции не нашел. То ли Платон Александрович обронил ее в суматохе, то ли позабыл дома, поскольку на убийство монарха отправился сильно навеселе.

– Полно ребячиться, ваше величество! – повторил граф Пален. – Идите царствовать. Покажитесь гвардии, пока нас не подняли на штыки.

Новый император взглянул на Платона Александровича, пьяно ощупывающего себя в поисках Конституции, потом вздохнул.

– При мне все будет, как при бабушке! – дрожащим голосом произнес он.

Это всех присутствующих, и главного «конституционера» Платона Зубова тоже, устраивало больше, чем любая конституция.

Так и записали в манифесте о вступлении на престол императора Александра I.

«Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 марта. Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память Нам и всему отечеству вечно пребудет любезна, да по ея премудрым намерениям шествуя, достигнем

вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим».

По сути, Александр I повторил то, что сделал, вступая на престол, Павел.

Сокороновав прах Петра III с прахом Екатерины II и захоронив их в один день, Павел как бы вычеркнул правление матери, установив свое прямое наследование Петру III. Но ведь то же самое делает и Александр. Подчеркивая, что его правление будет продолжением правления Екатерины, он как бы вычеркивает правление Павла.

Вот такой странной и зловещей игрой с мертвецами обернулась новая конституционная попытка в России.

Забегая вперед, скажем, что сами участники переворота вполне серьезно относились к установленной ими «конституции». Заговорщики открыто хвастали своей заговорщицкой удалью, и в соответствии с закрепленным в «конституции» бабкиным обычаем награждать цареубийц требовали, чтобы и император Александр достойно вознаградил их.

«Русские защитники самовластия… – остроумно заметил по этому поводу А. С. Пушкин, – принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: „En Russie Ie gouvernement est un despotisme mitige par la strangulatijn“[13].

Ну а тогда ночью в Михайловском замке, решив вопрос с конституцией, император Александр вышел к войскам гвардии… Как и положено, в первую очередь Пален представил нового императора Преображенскому полку.

– Да здравствует император Александр! – воскликнул генерал Талызин.

В ответ было гробовое молчание.

Слух о том, что происходило в покоях императора, распространился среди солдат, и приветствовать, подобно офицерам, криками «ура!» свержение с трона помазанника Божия солдаты не могли.

Император перешел к Семеновскому полку, тут думали, что император умер своей смертью, тут прокричали «ура!». Другие полки последовали примеру семеновцев, но преображенцы по-прежнему безмолвствовали.

Новый император сел в сани и умчался в Зимний дворец. Войска выстроились в колонны и двинулись на Дворцовую площадь. Преображенцы снялись от Михайловского замка, только когда солдатам показали труп императора Павла.

Лицо Павла, чтобы менее заметными стали следы удушения, было набелено и нарумянено. Чтобы прикрыть красную полосу вокруг шеи, повязали широкий галстук, на лицо, чтобы закрыть

пролом на виске, надвинули шляпу… Император лежал на парадной кровати в мундире, в галстуке и в шляпе, словно куда-то шел или уже стоял перед кем-то с докладом. Страшным было его лицо.

А Александр, прибыв в Зимний дворец, продолжал плакать о невосполнимой потере. Впрочем, и в горе своем он не забывал о деле.

Когда граф Ливен вошел в его кабинет, император упал в его объятия с рыданиями: «Мой отец! Мой бедный отец!» – и слезы обильно потекли по его щекам.

«Этот порыв, – рассказывал сам граф Ливен супруге, – продолжался несколько минут. Потом государь выпрямился и воскликнул: „Где же казаки?“»

Вот так-то… Горе горем, конституция конституцией, а обязательства перед англичанами тоже надобно было отрабатывать.

Ливен обстоятельно объяснил новому императору задачу, поставленную Павлом перед казаками, и получил приказ немедленно вернуть казаков назад. Так была спасена Англия.

«Они промахнулись по мне, но попали в меня в Петербурге», – воскликнул Бонапарт, получив печальное известие из России.

Задуманный поход в Индию не состоялся. Заговорщикам-цареубийцам удалось пресечь его.

Но пресекали они не только задуманную императорами Наполеоном и Павлом операцию. Спасая свое право быть рабовладельцами, они пресекали новую мировую историю человечества, в которую Наполеон и Павел пытались прорубить ход.

Эпилог

Всего два часа потребовалось заговорщикам, чтобы произвести революцию.

При всем критическом отношении к тогдашней петербургской аристократии нельзя не признать, что она довела до совершенства механику государственных переворотов и теперь не знала равных в искусстве совершения измен.

Кроме караула Преображенских гренадер, поставленных поручиком Мариным по команде «смирно» под ружье, некоторое сопротивление действиям заговорщиков оказала только императрица Мария Федоровна.

Когда обер-гофмейстерина графиня Ливен разбудила императрицу, та, спросонок, долго не могла ничего понять.

– Боже мой! – заволновалась она. – Беда случилась? С Мишелем?

– Никак нет. Его высочеству лучше, жара нет, он спокойно спит.

– Значит, кто-нибудь из других детей заболел?

– Нет… Все здоровы.

– Вы меня, верно, обманываете, Катерина?

Графиня Ливен не придумала ничего лучшего, как сказать императрице, что Павел внезапно заболел и состояние его очень опасное.

Чего она ожидала? Что Мария Федоровна обрадуется этому известию и на радостях переедет в Зимний дворец?

Императрица не оправдала ее надежд. Она тотчас же встала и, накинув на себя халат, направилась к спальне мужа. Тогда графиня Ливен принуждена была сказать государыне, что император Павел перестал жить. Императрица посмотрела на обер-гофмейстерину блуждающими глазами, словно не понимая этих слов.

– Ваш супруг скончался, – твердо повторила графиня. – Просите Господа Бога принять усопшего милостиво в лоно свое и благо дарите Господа за то, что он вам столь многое оставил.

Когда императрица осознала наконец, что случилось, она лишилась чувств. Позвали доктора, чтобы пустить кровь. А когда сознание вернулось к императрице, «роковая истина предстала пред ее рассудком в сопровождении ужасающих подозрений. Она с криком требовала, чтобы ее допустили к усопшему. Ее убеждали, что это невозможно. Она на это восклицала: «Так пусть же и меня убьют, но я должна его видеть!»

Мария Федоровна бросилась к спальне мужа, но двери, через

которые она обычно ходила к мужу, были заперты. Тогда императрица направилась кружным путем через залы. Но и там стояла стража.

Караульный офицер объяснил императрице, что получил приказание никого не пропускать в опочивальню к усопшему. Царица, не обращая внимания, хотела пройти в двери, за которыми лежало обезображенное тело государя, но офицер схватил ее за руку.

Императрица тогда упала на колени.

– Да ты, матушка, нас не бойся, – вскричали старые гренадеры. – Мы все тебя любим!

Разумеется, момент для заговорщиков был критическим. Императрица могла напрямую апеллировать к солдатам, и тогда судьба всего заговора стремительно изменилась бы. Стоило императрице сказать одно только слово, и штыки солдат разорвали бы заговорщиков, и при всеобщем ликовании народа Мария Федоровна, как некогда Екатерина II, была бы провозглашена правительницей при малолетнем сыне Николае.

Некоторые исследователи утверждают, что Мария Федоровна не пошла на этот шаг вследствие нежелания заниматься делами правления, считается также, что известную роль сыграла и ее ревность, повод для которой давало увлечение Павла Анной Петровной Лопухиной[14]…

Думается, что все эти аргументы малообосновательны. Императрица-мать активно влияла или, вернее, пыталась влиять на политику Александра I, а ревность ее по поводу Лопухиной сильно преувеличена. Лопухина была выдана замуж за князя Гагарина, и ее влияние на императора Павла ограничивалось ходатайствами за несправедливо обиженных.

Если уж у императрицы и были какие-то мысли об устройстве еще одного переворота[15], то останавливала ее не лень и не ревность, а тот самый акт о престолонаследии, который был подписан ею при коронации Павла и положен в ковчег в алтаре Успенского собора.

Сейчас, в предрассветные часы 12 марта 1801 года, этот закон прошел первое испытание. И выдержал его.

Опустив голову, императрица согласилась вернуться в свои покои…

И сколько раз еще силы зла и тьмы будут пытаться сокрушить династию Павла, но на таком крепком основании была воздвигнута она, что никакими дворцовыми интригами целое столетие нельзя было и пошатнуть ее.

Однако покинуть замок раньше, чем простится с прахом супруга, Мария Федоровна отказалась категорически.

«Когда… она отправилась к своим невесткам, супругам великих князей Александра и Константина, я велел запереть двери, ведшие в апартаменты великих княгинь, – пишет в своих мемуарах генерал Беннигсен. – До сих пор императрица не была осведомлена, в чью пользу произведена эта революция… Когда она узнала, что командование поручено мне, она приказала мне явиться к ней. Я уже осведомился о приказаниях императора, который велел мне передать, чтобы я отправился к ней и посоветовал, попросил ее от его имени покинуть Михайловский замок и ехать в Зимний дворец, где ей будет сообщено все, что она пожелает узнать. Вследствие этого я отправился в апартаменты великих княгинь, где находилась императрица. Увидав меня, ее величество спросила, мне ли поручено командовать здешними войсками. На мой утвердительный ответ она осведомилась с большой кротостью и спокойствием душевным: „Значит, арестована?“

– Значит, я арестована? – повторила вопрос императрица.

– Совсем нет, – отвечал Беннигсен, – возможно ли это? – Но меня не выпускают, все двери на запоре…

– Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять некоторые меры предосторожности для безопасности императорской фамилии, здесь находящейся. Могут случиться беспорядки вокруг замка.

– Следовательно, мне угрожает опасность?

– Все спокойно, ваше величество, и мы все находимся здесь, чтобы охранять особу вашего величества.

Императрица молчала, обдумывая услышанное, и Беннигсен решил исполнить поручение императора.

– Император Александр, – сказал он, – поручил мне…

– Император Александр? – прервала его Мария Федоровна. – Но кто провозгласил его императором?

– Голос народа! – по-генеральски мудро отвечал Беннигсен.

– Ах! Я не признаю его, – сказала императрица и, понизив голос, добавила: – Прежде пусть он мне даст отчет о своем поведении.

Потом взяла Беннигсена за руку и подвела к дверям.

– Велите отворить двери, – проговорила твердым голосом. – Я желаю видеть тело моего супруга!»

Тщетно Беннигсен говорил, что после подобного события следует всячески избегать всякого шума, и поэтому императрица обязана успокоиться.

«Я сказал ей, что до сих пор все спокойно, как в замке, так и во всем городе; что надеются на сохранение этого порядка, и что я убежден, что ее величество сама желает тому способствовать. Я

боялся, что если императрица выйдет, то ее крики могут подействовать на дух солдат, как я уже говорил, весьма привязанных к покойному императору. На все эти представления она погрозила мне пальцем, со следующими словами, произнесенными довольно тихо: „О, я вас заставлю раскаяться“. Смысл этих слов не ускользнул от меня. Минута молчания и, быть может, размышления вызвали несколько слез. Я надеялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорил опять, стал побуждать ее к умеренности и уговаривать покинуть Михайловский дворец и ехать в Зимний. Здесь молодая императрица поддержала мой совет с той кротостью и мягкостью, которые были так свойственны этой великой княгине, любимой всеми, кто имел счастье знать ее, и обожаемой всей нацией. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись к невестке, отвечала ей довольно строгим тоном: „Что вы мне говорите? Не мне повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!..“»

Раздражение императрицы усиливалось с минуты на минуту. Она решительно объявила Беннигсену что не выйдет из дворца, пока не увидит тела своего супруга.

Фон Пален тоже пытался вести переговоры с императрицей, но и у него ничего не вышло.

– Что здесь произошло? – спросила императрица.

– То, что давно можно было предвидеть! – ответил фон Пален с обычным хладнокровием.

– Кто же зачинщики этого дела?

– Много лиц из различных классов общества.

– Но как могло это совершиться помимо вас, занимающего пост военного губернатора?

– Я прекрасно знал обо всем, – отвечал фон Пален, – и поддался этому, как и другие, во избежание более великих несчастий, которые могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилию.

Посчитав, что он все разъяснил, фон Пален удалился, и весь гнев императрицы опять устремился на Беннигсена.

– Приказываю вам пропустить меня! – потребовала она.

– Не в моей власти повиноваться вам, пока я вижу ваше императорское величество такой взволнованной… – оттягивая время, отвечал Беннигсен. – Только под одним условием я мог бы исполнить вашу волю.

– Какое же это условие? – спросила Мария Федоровна.

– Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться.

– Не вам предписывать мне условия! Ваше дело повиноваться мне! Прежде всего велите отпереть двери!

– Ваше величество… – сказал Беннигсен. – Мой долг предписал мне еще раз напомнить вам о ваших обязанностях по отношению к народу и умолять избегать малейшего шума. Любое волнение сейчас может иметь самые пагубные и даже опасные последствия.

– Ну, хорошо, – после некоторого молчания проговорила императрица. – Обещаю вам ни с кем не говорить.

Все это время шли необходимые приготовления.

В спальне Павла навели порядок. Вытерли с пола кровь. Одели труп императора в мундир и положили на кровать. Лицо забелили и нарумянили.

В 7 часов утра приготовления были закончены, и императрице разрешили войти в спальню убитого супруга.

«Нам пришлось пройти лишь две комнаты, чтобы достигнуть той, где стояло тело покойного императора, – пишет Беннигсен. – Родиерсон и я находились возле ее величества, которую сопровождали обе великие княжны, графиня Ливен, две камер-

юнгферы и камердинер. В последней комнате ее величество села на минуту, потом поднялась, и мы вошли в спальню покойного императора».

Как мы уже говорили, тело Павла было облачено в мундир его гвардейского полка, на голову, по самые брови, была нахлобучена шляпа.

– Боже, поддержи меня! – произнесла по-немецки Мария Федоровна, шагнула к постели супруга и громко вскрикнула.

Потом встала на колени и поцеловала руку покойного.

– Ах, друг мой! – проговорила она.

Все еще стоя на коленях, она потребовала ножницы. Камер-юнгфера подала ножницы, и Мария Федоровна отрезала прядь волос с головы императора, сдвинув при этом треуголку и обнажив страшную рану. Только в одиннадцать часов утра императрица-мать допустила к себе сына-императора.

Свидание в Зимнем дворце происходило без свидетелей.

Как пишет княгиня Ливен, государь вышел от императрицы-матери очень взволнованный, и с этого мгновения вплоть до кончины император проявлял к своей родительнице самое восторженное почтение, внимательность и нежность.

А Мария Федоровна сдержала слово и отомстила убийцам.

Первой жертвой ее стал граф Пален.

Любопытно, что адский гений этого человека, который не знал никаких препятствий и страхов, Марии Федоровне удалось сокрушить в союзе с раскольниками, которые чрезвычайно почитали императора Павла за то, что он прекратил старообрядческие гонения, в которых упражнялись все прежние Романовы.

Дело было так.

Чтобы выразить сочувствие вдовствующей императрице, многие раскольники присылали ей богато украшенные образа, снабженные надписями из Священного Писания. Иконы эти императрица передала в церковь воспитательного дома.

«Однажды утром, – пишет Н. А. Саблуков, – во время обычного доклада государю, Пален был чрезвычайно взволнован и с нескрываемым раздражением стал жаловаться его величеству, что императрица-мать возбуждает народ против него и других участников заговора, выставляя напоказ в воспитательном доме иконы с надписями вызывающего характера. Государь, желая узнать, в чем дело, велел послать за моим отцом. Злополучные иконы были привезены во дворец, и вызывающая надпись оказалась текстом из Священного Писания, взятым, насколько помню, из Книги Царств.

Императрица-мать была крайне возмущена этим поступком Палена, позволившего себе обвинять мать в глазах сына, и заявила свое неудовольствие Александру. Император, со своей стороны, высказал это графу Палену в таком твердом и решительном тоне, что последний не знал, что отвечать от удивления.

На следующем параде Пален имел чрезвычайно недовольный вид и говорил в крайне резком, несдержанном тоне. Впоследствии даже рассказывали, что он делал довольно неосторожные намеки на свою власть и на возможность „возводить и низводить монархов с престола“. Трудно допустить, чтобы такой человек, как Пален, мог выказать такую бестактную неосторожность; тем не менее в тот же вечер об этом уже говорили в обществе.

Как бы то ни было, достоверно только то, что, когда на другой день, в обычный час, Пален приехал на парад в так называемом vis-a-vis, запряженном шестеркой цугом, и собирался выходить из экипажа, к нему подошел флигель-адъютант государя и, по высочайшему повелению, предложил ему выехать из города и удалиться в свое курляндское имение».

Там фон Пален и умер. Кончина его была ужасной.

Как пишет графиня Ливен, «Пален со времен ссылки совершенно не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опамятоваться не раньше следующего дня».

И так до самой смерти, двадцать пять лет подряд. Умер фон Пален в ссылке, через несколько недель после кончины императора, которого он и возвел на трон.

Вот так молитвами раскольников и гневом царицы-матери был сражен адский гений[16].

Беннигсена Марии Федоровне одолеть не удалось, но всю жизнь она не давала ему позабыть о совершенном преступлении.

«Генерал Беннигсен, – пишет граф Ланжерон, – был тоже предметом яростной ненависти со стороны императрицы-матери…»

И действительно.

Хотя после кончины М. И. Кутузова император Александр и возвратил Беннигсена к командованию русской армией, разгромившей Наполеона и вошедшей в Париж, маршальского звания он по настоянию вдовствующей императрицы так и не получил.

«Хотя никто не заслужил этой почести больше его», – заметил по этому поводу граф Ланжерон.

Государева линейка

В 1825 году англичанин Джордж Стефенсон построил первую железную дорогу Дарлингтон Стоктон. Через девять лет, в 1834 году, в Россию приехал австрийский инженер, чех Франц фон Герстнер. В виде опыта ему разрешили строительство железной дороги Санкт-Петербург Царское Село Павловск длиною 25 верст.

Даже если не вспоминать о паровозе Черепановых, который уже бегал в 1834 году на нижнетагильских заводах, все равно Россия, как мы видим, совсем не так уж безнадежно отставала со строительством железных дорог, как это утверждалось до недавнего времени в учебниках истории. Тут Россия шла в ногу с прогрессом, и главная заслуга в этом, несомненно, принадлежала императору Николаю I, поскольку противодействие строительству железных дорог действительно было необыкновенно сильным.

Мысли русского извозчика

О железной дороге из Санкт-Петербурга в Москву еще только начинали говорить, но реакция «общественности» последовала немедленно. В 1835 году в газетах были опубликованы «Мысли русскою крестьянина-извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между Санкт-Петербургом и Москвой».

«Дошли до нас слухи, что некоторые наши богатые господа, прельстясь заморскими затеями, хотят завести у нас между Питером, Москвою и Нижним чуянные колеи, по которым будут ходить экипажи, двигаемые невидимою силою, помощью парю. Мы люди простые, неученые; но, проживши полвека, Бог привел измерить всю родную землю, быть не раз в Неметчине, на ярмарке в Липовце, и довольно наглядеться иноземного и наслушаться чужих толков. Затеваемое на Руси неслыханное дело за сердце взяло: хочу с проста-ума молвить, авось люди умные послушают моих мужицких речей».

Далее автор рассказывает об удобстве езды по шоссе на извозчиках и заключает свою заметку так:

«Сдается, однако ж, что этому не бывать. Русские вьюги не потерпят иноземных хитростей, занесут, матушки, снегом колеи, в шутку, пожалуй, заморозят пары. Да и где взять такую тьму топлива, чтобы вечно не угасал огонь под ходунами-самоварами? Али тратить еще деньги на покупку заморского угля для того, чтобы отнять насущный хлеб у православных. Стыдно и грешно! А тут-то, может быть, и штука!

Господа богатые да умные! Поразмыслите, коли вам наскучили деньги, употребите их на такое дело, чтобы вам было прибыльно и народу любо. Такое предприятие Бог благословит и милостивый наш Государь дозволит. Кланяемся».

Простонародный «штиль» мыслей крестьянина-извозчика едва ли ввел кого в заблуждение. Публикация фельетона была организована предпринимателями, строившими свой бизнес на перевозках пассажиров между двумя столицами.

В 1820 году было завершено строительство шоссейной дороги, и никаких препятствий для бурного роста перевозок не предвиделось. Налаживалось дилижансное сообщение. Весь путь занимал от трех до четырех суток, в экипаж вмещалось до шести человек.

И вот – пронеслись слухи о грядущем строительстве железной дороги. Как же тут «с проста-ума» не попытаться придушить такого конкурента, пока он находится еще в колыбели.

Насколько умно и расчетливо была задумана

«античугуночная» кампания, показали ближайшие события. А пока скажем, что пророчества анонимного «крестьянина-извозчика», как ни странно, очень скоро подтвердились.

Первые железнодорожные крушения

Железная дорога на Царское Село была открыта 30 октября 1837 года, а 21 мая 1839 года произошло первое в России крушение на перегоне Павловск – Царское Село.

От поезда оторвались хвостовые вагоны и, двигаясь под уклон, нагнали тормозящий состав. Поезд сошел с рельсов. В результате схода погибли два человека и пятьдесят пассажиров получили ранения.

После этого случая были введены дополнительные соединительные цепи, а вдоль состава протянули сигнальную веревку. Кондукторы оказались в буквальном смысле связанными с паровозной бригадой. В случае непредвиденной ситуации они дергали за веревку, и на паровозе начинал звонить колокол.

Но через год, 11 августа 1840 года, произошло еще более крупное крушение. Поезд под управлением подвыпившего машиниста Роберта Максвелла нарушил расписание и на девятой версте от города столкнулся со встречным составом.

Разбилось шесть вагонов. Шесть пассажиров погибли, семьдесят восемь были ранены.

Двух паровозов, двух волканов на лету
Я видел сшибку: лоб со лбом они столкнулись,
И страшно крякнули, и страшно пошатнулись.
И смертоносен был напор сих двух громад!

– писал в стихах, посвященных этой трагедии на железной дороге, П. А. Вяземский. В стихотворении использована допускаемая в те времена форма написания слова «вулкан» через «о».

По результатам этой аварии тоже были приняты соответствующие меры. Главноуправляющий путями сообщения граф К. Ф. Толь издал приказ, предусматривающий замену склонных к пьянству машинистов-англичан трезвыми немцами.

Этим, однако, дело не ограничилось. Паровозные бригады доукомплектовали вторыми машинистами, запрещено было и скрещение поездов.

Аварии – увы! – были неизбежны в новом деле, но, право же, русские железнодорожники успешно учились на них, практически мгновенно вводя усовершенствования, позволяющие повысить безопасность перевозок.

Для этого и заводилась в России столь дорогая игрушка, как

железная дорога между Петербургом и Царским Селом.

«Царскосельской дороге предстояло, – писал потом наш первый министр путей сообщения П. П. Мельников, – разъяснить непосредственным опытом, в какой мере действительны те опасения, которые, как мы видели, выражались в печатных заявлениях относительно затруднений, каких надобно ожидать в сооружении, и относительно выгодности в эксплуатации по причине глубоких снегов и сурового климата».

Железный Николай Первый и первая железная дорога

«Милостивого Государя» Николая I аварии не запугали. Не запугал его и пессимизм членов специальной комиссии, созданной для изучения вопроса строительства железнодорожной магистрали. Лишь трое членов комиссии – генерал Чевкин, граф Бобринский и герцог Лейхтенбергский – отважились объявить себя сторонниками строительства…

Противников оказалось гораздо больше.

Герой 1812 года, главноуправляющий путями сообщения граф К. Ф. Толь, заявил, что местные трудности будут непреодолимы для постройки дороги между двумя столицами вследствие непроходимости болот в Новгородской губернии, трудности перехода через Валдайские горы и разливов рек.

Министра финансов графа Е. Ф. Канкрина трудности строительства не волновали, но он беспокоился о расходах.

– Строить железную дорогу между столицами будут на счет казны, – рассуждал Егор Францевич, – а доходность ее весьма сомнительна. Ведь перевозки грузов по шоссе гужом обходятся сейчас всего по 30 копеек с пуда ассигнациями.

В качестве возражений указывалось даже и на то, что железная дорога «поведет к равенству сословий, т. к. и сановник, и простяк, барин и мужик, поедут, сидя рядом в вагоне, в одном поезде».

Это «излияние мнений» продолжалось до 13 января 1842 года, пока в комиссию, в ее последнее заседание, не пожаловал сам Николай I.

Выслушав министров, он встал и объявил высочайшую волю:

1. Сооружение железной дороги между столицами признать возможным и полезным делом.

2. Он убежден в необходимости этой дороги и считает ненужным пролагать теперь дороги в других местностях России.

До недавнего времени Николая I было принято изображать тупым и ограниченным солдафоном. Тенденция понятная…

Коли Николай I с железной волей подавил восстание декабристов, а самих их частично повесил, а частично определил для жительства на сибирские рудники, то не пристало и говорить о том хорошем, что этот государь сделал для российской державы.

И внушалось, внушалось, что Николай I не мог сделать ничего хорошего. Но на самом деле все было немножко иначе.

Вот и тут мы видим, какое воистину мудрое решение принимает император, когда его министры начинают путаться.

Во-первых, вопреки всем советчикам, он проявил недюжинную прозорливость и смелость и дорогу приказал строить.

Во-вторых, запретил строить одновременно и другие дороги. Этой «государевой» мудрости не грех было бы поучиться и позднейшим правителям России. Вообразим, что Николай не проявил бы осмотрительности, и началось бы, как это теперь у нас принято, на счет казны строительство сразу нескольких дорог. Тогда страна скорее всего получила бы множество, говоря современным языком, «незавершенок», и когда появились бы в России железные дороги, одному Богу ведомо.

А был, был еще и третий пункт, который изволил огласить Государь. Видя несогласие министров, он не оставил это весьма нужное для страны дело в их руках.

– Так как все господа министры против устройства железной дороги, – объявил император, – мы учреждаем для этого важного предприятия особый комитет, назначая председателем его наследника престола, цесаревича Александра Николаевича. При комитете образуется особая Строительная комиссия.

Первое заседание комитета состоялось 29 января 1842 года.

В состав его были включены графы Толь, Канкрин, Бенкендорф, Орлов, Левашев, Киселев, Клейнмихель, Перовский; генералы Дестрем, Чевкин, герцог Лейхтенбергский и граф Бобринский. На заседании комитета образовали Строительную комиссию Санкт-Петербургско-Московской железной дороги. В ее состав вошли граф Бенкендорф, граф Клейнмихель, герцог Лейхтенбергский, генерал-лейтенант Дестрем, генерал-майор Чевкин, полковники Крафт и Мельников.

Вот так четко, разумно и вместе с тем не оскорбительно ни для кого все руководство гигантским проектом передается в руки лиц, для которых этот проект – главное дело жизни.

Такому у царя-«деспота» тоже бы не мешало поучиться…

«Ноготь» русской истории

Кто не слышал, как Николай I «проектировал» железную дорогу из Петербурга в Москву? В свое время учителям истории даже рекомендовали рассказывать этот анекдот при проведении уроков. Анекдот же такой: слушая соображения ученых мужей об изыскательских работах, Николай I этой непонятной ученостью утомился и решил дело по-солдатски просто. Положил на карту линейку и провел прямую линию от Москвы до Петербурга. Вот вам, господа ученые, и изыскания все…

Соль же анекдота состояла в том, что ноготь указательного пальца императора выступил за линейку, и в этом месте, посреди Новгородской губернии, очертился знаменитый Веребьинский обход.

Анекдот мне – школьнику – очень понравился, и, вернувшись домой, я первым делом вытащил карту и приложил к ней линейку. Увы, не получалось.

Дорога была почти прямой, но все же рыскала по сторонам и «спрямлялась» только на таком малом масштабе, где ноготь должен был бы занять не Веребьинский обход, а добрую половину Новгородской области.

Разумеется, я не знал тогда, что и вобравший в себя всю соль анекдота обход появился не на проекте трассы, а гораздо позднее, когда железная дорога была уже построена и когда выяснилось, что экономнее и безопаснее пускать в том месте поезда в обход. Но это касается анекдота.

Что же касается истории, то споры велись нешуточные. И касались они направления дороги. Многие склонялись к мысли, что дорога должна пройти через Новгород.

Николай I, утомившись от бесконечных споров, вызвал к себе полковника-профессора Павла Петровича Мельникова и попросил его высказаться по этому поводу.

– Ваше величество! – ответил Мельников. – Дорога должна соединять две весьма населенные столицы, все движение, как грузовое, так и пассажирское, будет сквозное. В непродолжительном времени должны примкнуть к Москве другие дороги со всех концов России; таким образом, сквозное движение между Петербургом и Москвою разовьется в несколько десятков раз против настоящего. Было бы большою ошибкою и неисчислимою потерею в общей государственной экономии, если обречь дальнейшие поколения на уплату 80 с лишком верст, в продолжение целого века или больше, пока прямой расчет не вынудил бы строить другую, кратчайшую дорогу от Петербурга до

Москвы.

– Молодец! – сказал государь. – Я рад, что ты одного со мною мнения. Веди дорогу прямо!

На докладе государь положил такую резолюцию:

«Дорогу устроить по прямому направлению, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгород, который не лишится всех выгод, которыми ныне пользуется».

Вот, кажется, и все, что касается этой истории.

Но все же смотришь на прочерченную словно по линейке благодаря мудрости Николая I и таланту Павла Петровича Мельникова железную дорогу, останавливаешься на возникшем уже после ее строительства Веребьинском обходе и снова думаешь, что действительно по линейке и прочерчена она.

Только держала эту линейку в руках сама История Государства Российского, сама его Судьба, разместившая на одной линии с древними русскими городами Москвою и Тверью и новую его столицу – Санкт-Петербург…

А Веребьинский обход – что ж…

Когда Государь не просто верховный правитель, а еще и Помазанник Божий, когда он сохраняет верность этому высокому предназначению, мистической глубиною наполняются его деяния.

Когда по линейке истории Российской прочерчивается дорога, то и ноготь ложится именно там, где ему и положено быть.

«Труд этот, Ваня, был страшно громаден»…

Знаменитую поэму Некрасова «Железная дорога» предваряет, как известно, разговор умного Вани, одетого в кучерский армячок, с папашей в пальто на генеральской красной подкладке.

– Папаша! – спрашивает Ваня. – Кто строил эту дорогу?

– Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

В прижизненных изданиях поэм эпиграф был другим. Папаша отвечал, что дорогу построили «инженеры».

Считается, что исправление Николай Александрович Некрасов сделал по настоянию цензуры, поскольку сам он от своей сестры, которая была замужем за инженером-железнодорожником, конечно же, знал, кого герой его поэмы полагал истинным строителем дороги, но это объяснение не совсем верное.

И инженеры строили дорогу, и граф Петр Андреевич Клейнмихель…

Одиннадцатого апреля 1842 года скончался герой войны 1812 года, яростный противник железнодорожного строительства граф К. Ф. Толь. Главноуправляющим путями сообщения назначили графа Клейнмихеля.

До этого Клейнмихель заведовал строительной частью в ведомстве графа Аракчеева и был фигурой воистину запоминающейся.

В его послужном списке: управление военными поселенцами и организация составления тридцатитомного «Исторического описания одежды и вооружений Российских войск с древних времен»; устройство телеграфного сообщения между Санкт-Петербургом и Варшавою и восстановление сгоревшего в 1837 году Зимнего дворца; постройка зданий Чесменской богадельни и строительство Благовещенского (потом он был переименован в Николаевский, затем – в Лейтенанта Шмидта) моста через Большую Неву…

Но, разумеется, главным делом его стало строительство железной дороги…

Как пишет его биограф В. И. Панаев, Петр Андреевич «вступил в управление ведомством путей сообщения с сильным против него (ведомства – *Н. К.)* предубеждением, и по своему горячему характеру тотчас же начал громить направо и налево».

Но, добавляет Панаев, «в самом непродолжительном времени полюбил ведомство путей сообщения, значительно распространил сферу его деятельности. Его называли „писарем“, но он был враг бюрократического порядка».

Клейнмихель объезжал работы по строительству дорог только два раза в год, весной и осенью, большей частью в самую распутицу, когда тарантас его приходилось то ставить на полозья, то снова водружать на колеса.

К приезду графа подготавливались все проекты, которые Петр Андреевич тут же на месте и утверждал. Необходимых специальных, технических знаний ему, разумеется, недоставало, но зато был огромный опыт разнообразного строительства, зато было знание человеческой природы, и, как это ни странно, технические «экспертизы» графа Клейнмихеля оказывались безошибочными.

Если пользоваться современной терминологией, то Петра Андреевича можно смело отнести к руководителям волюнтаристского типа.

Строительство было невиданное по размаху работ, по средствам, выделяемым для этого, и от желающих погреть руки вокруг стройки отбоя не было. Существенно облегчало возможность для махинаций отсутствие опыта строительства подобных сооружений.

Вот, например, департамент железных дорог заключил контракт на поставку шпал с лесопромышленниками Громовым и Скрябиным. Все вроде было правильно, но уже в ходе работ выяснилось, что если шпалы принимать только в трех, предусмотренных контрактом, пунктах (на реках Волге, Клязьме и Мсте), то доставка их на нужное место будет стоить в пятнадцать раз больше, чем стоят сами шпалы (5 рублей при действительной стоимости шпалы в 30 копеек).

П. П. Мельников доложил об этом П. А. Клейнмихелю, и тот вызвал подрядчиков к себе. Со свойственной ему прямотой он сказал, что из создавшегося положения видит только три выхода.

Первый – добровольно изменить условия контракта и поставлять шпалы по всей линии. Второй – отказаться от контракта. И, наконец, есть третий вариант. Прямо из его кабинета отправиться на прогулку по Владимирке в Сибирь.

Подумавши, подрядчики согласились на первый вариант, выговорив себе, правда, несколько процентов надбавки.

Говорить о законности действий Клейнмихеля тут не приходится, но спасти для казны несколько миллионов рублей ему удалось.

И тут, конечно, можно поспорить с историками, утверждающими, будто Петр Андреевич только потому и удерживался на своем посту так долго, что во всем поддакивал царю. Объяснение это ложное уже хотя бы потому, что императору Николаю I не нужны были министры, которые умели только кивать. Скажем к слову, что и графское достоинство Петр Андреевич Клейнмихель получил не за расшаркивания на дворцовых паркетах, а за восстановление сгоревшего Зимнего дворца.

Спору нет… Петр Андреевич Клейнмихель дворцовую службу, конечно, знал, но и строить тоже умел. Тем более что все вопросы, связанные с практическими работами, он смело передоверил опытным инженерам.

Н. О. Крафт возглавил Южную дирекцию (участок Бологое – Москва), а П. П. Мельников – Северную (Бологое – Санкт-Петербург).

Кстати сказать, на примере отношений с Павлом Петровичем Мельниковым видно, что и пересиливать себя П. А. Клейнмихель, несмотря на свою взрывчатость и гневливость, тоже умел.

Как пишет Панаев, Петр Андреевич «не жаловал Мельникова по причине сильной разнородности характеров. Мельников был холодного и спокойного характера и не отличался энергией, но Клейнмихель уважал в нем познания, его рыцарскую честность».

Результаты совмещения энергии и волюнтаризма Клейнмихеля со знаниями и спокойствием инженеров были налицо. Изыскательские работы завершились в 1843 году, а в следующем уже приступили к земляным работам и строительству мостов.

Уже в июне 1846 года началось движение на участке Петербург – Александровский завод – Колпино, а в 1849 году на участке Колпино – Чудово (86 верст) и Тверь – Вышний Волочек (111 верст). Строили дорогу даже по западным меркам того

времени очень быстро, но – для России-то это строительство было делом невиданным! – всем казалось, что строится она слишком медленно, и для того и строится так, чтобы можно было разворовывать государственные деньги.

Этим, очевидно, вызвано и то, что никто из тогдашних сановников не заслужил такой, как остроумно заметила А. Ф. Тютчева, «популярной ненависти», как Петр Андреевич Клейнмихель.

В петербургских кофейнях тогда записывались в очередь, чтобы почитать его очередные приказы и поупражняться в остроумии, комментируя их.

Первый поезд

Николай I, разумеется, легкомысленности остроумцев из кофеен не разделял, но и он не выдержал. Двадцать второго августа 1850 года в Москве за обедом он спросил:

– Петр Андреевич! Когда же ты все-таки повезешь меня в Москву железной дорогой?

– На будущий год, на юбилей коронации, ваше величество! – мгновенно ответил Клейнмихель.

За столом тогда присутствовал и П. П. Мельников.

– Вы слышали мой ответ государю? – спросил у него Клейнмихель после обеда.

– Слышал! – ответил Мельников. – Но это немыслимо.

– Вы слышали, – сказал Клейнмихель, – и это должно быть исполнено.

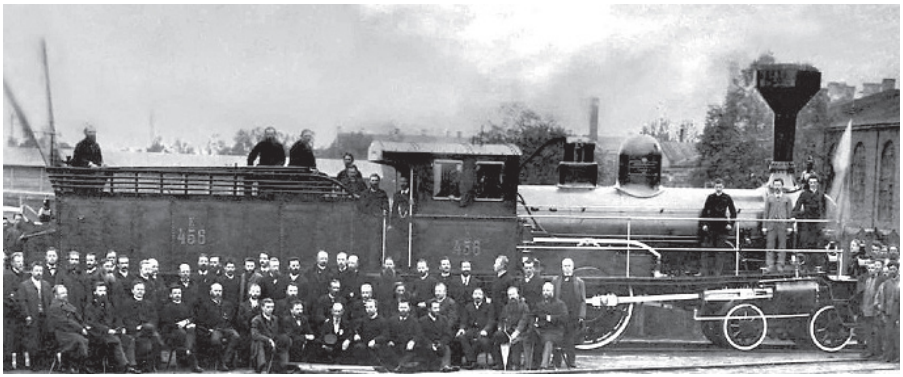
И ведь действительно было исполнено. К лету 1851 года строительство завершили. Восемнадцатого августа 1851 года из Петербурга отправился первый поезд. Император и вся августейшая семья ехали на празднование двадцатипятилетия коронации государя. А 1 ноября 1851 года Санкт-Петербургско-Московская железная дорога была открыта и для общественного пользования.

Вот что писала тогда газета «Северная пчела»:

«Сегодня, в четверг 1 ноября, двинулся первый всенародный поезд по новой железной дороге в Москву. С утра большое число публики столпилось перед станцией и наполнило обширные ее сени. В одном отделении записывали виды проезжающих, в другом – продавали билеты на поезд, в третьем – принимался багаж пассажиров. Принятый багаж кладется в багажный вагон, стоящий под навесом, так что вещи не могут испортиться от дождя и снега. Получив билеты, пассажир входит в просторные сени, где ожидает время отправления. В вагонах первого класса устроены для пассажиров покойные кресла, в которых можно и растянуться и уснуть.

В 11 ч. утра раздался первый звонок колокольчика, через 5 минут другой, а в 11 ч. 15 мин. подан был знак свистком, и поезд, ведомый паровозом № 154-м, двинулся. В поезде было 17 пассажиров первого класса, 63 – второго и 112 – третьего».

К этому репортажу можно добавить, что первым пассажирам поезда Санкт-Петербург – Москва выдавались сувениры: скатерти с подробным маршрутом-картой движения поезда. Эти сувениры, которых не углядел сотрудник «Северной пчелы», сейчас можно увидеть в музее Октябрьской железной дороги.



В заключение этой главы хотелось бы снова вернуться к «Железной дороге» Н. А. Некрасова.

Некрасов, разумеется, великий поэт…

Про тень, набежавшую на стекла морозные, про мертвецов очень хорошо написано в поэме. И нужно ли упрекать поэта, что в эти, исполненные истинного таланта, строки не вместились экскаваторы, выписанные П. П. Мельниковым для Северной дирекции из Америки и работавшие в районе Валдайской возвышенности, не вместился сам Павел Петрович Мельников, который «хотя и не был единственным начальником всей дороги, но… положительно был душою всего дела и учителем всего и всех…» здесь.

Не вместились в замечательную поэму Некрасова и мраморные доски церкви в Любани, где высечены были фамилии всех строителей дороги. (Церковь сейчас восстановлена, но досок этих нет…)

Многое не вместилось в поэму Некрасова.

И что уж поделаешь тут, если и сама его «железная дорога» везла в одну сторону, а настоящая – в другую. В первый же год было перевезено по этой железной дороге около восьмисот тысяч пассажиров. Товарные поезда шли со скоростью 15 верст в час, пассажирские же делали 30 верст, а почтовые – 35.

Первые пять лет дорога не приносила казне никакой выгоды, и только с 1856 года чистый доход взлетел сразу до двух миллионов рублей и неуклонно год от года рос, достигнув к 1868 году почти десяти миллионов.

Первый железнодорожный министр

Завершая рассказ о строительстве первой железной дороги, надо сказать и о создании Министерства путей сообщения, о первых его руководителях.

Как мы уже говорили, Петр Андреевич Клейнмихель, когда получил назначение на должность главноуправляющего путями сообщения, имел сильное предубеждение против этого ведомства, считая его царством взяточников и разгильдяев. За тринадцать проведенных в должности лет его представления претерпели существенную эволюцию, но в обществе – увы! – мнение о

ведомстве не изменилось. Причем главным взяточником все считали уже самого П. А. Клейнмихеля.

«Клейнмихель… пал и уничтожен… – вспоминает современник. – Все поздравляют друг друга с победой, которая за недостатком настоящих побед составляет истинное общественное торжество».

Напомним, что в 1855 году, когда были произнесены эти слова, умер император Николай I, пал Севастополь…

Поводов для торжеств действительно было не много.

Генерал-адъютант К. В. Чевкин, занимая место низвергнутого Клейнмихеля, подобно самому Петру Андреевичу тринадцать лет назад, считал ведомство путей сообщений безнадежно зараженным «болезнью казнообирательства».

Константин Владимирович принадлежал к тому типу талантливых и энергичных русских людей, деяния которых настолько велики, что уже и не ощущаются как деятельность отдельного человека. В 1823 году он получил первый офицерский чин, а через восемь лет был уже генерал-майором. В 1834 году его назначили начальником штаба корпуса горных инженеров. Сделано Чевкиным в самых различных областях так много, что и гигантская работа в должности главноуправляющего путями сообщения воспринимается только как эпизод.

А ведь Константин Владимирович имел непосредственное касательство еще к строительству Царскосельской дороги, во многом благодаря именно ему был положительно решен вопрос о строительстве дороги Петербург – Москва. Он и возглавил ведомство, когда началась лихорадка железнодорожного строительства. За время управления генерала Чевкина было построено 2123 версты железных дорог.

Еще в 1854 году в спешном порядке военного времени развернулись изыскательские работы по постройке новой железной дороги Москва – Харьков – Феодосия с веткой на Севастополь и линиями на Донбас и Ростов-на-Дону. Начальником экспедиции был Павел Петрович Мельников. Пронивелировав за два с половиной года четыре тысячи километров трассы, в 1857 году Мельников подготовил техническое обоснование по строительству железной дороги к югу от Москвы. Мельникову избранному к тому времени уже почетным членом Петербургской академии наук, и предстояло в 1862 году сменить К. В. Чевкина.

Человек удивительно разносторонний, Мельников успешно совмещал свои профессорские обязанности с инженерной работой еще до того как он начал вплотную заниматься железнодорожным строительством.

Когда в ночь на 3 февраля 1834 года вихрем сорвало купол с Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка в Петербурге Павел Петрович взялся за восстановление его. Ему удалось найти остроумное инженерное решение, позволившее без наружных лесов воздвигнуть двадцатипятиметровый купол на высоте в семьдесят пять метров. Разработанный для этого метод оценивается как крупный вклад в теорию и практику строительного искусства.

Не стояли на месте и научные исследования П. П. Мельникова. В 1836 году он опубликовал труд «Основания практической гидравлики, или О движении воды в различных случаях и действии ее ударом и сопротивлением», получивший высокую оценку академика М. В. Остроградского.

О широте интересов Павла Петровича Мельникова говорит и тот факт, что, будучи уже главой самой крупной в России стройки, он нашел время и силы и стал редактором «Вестника путей сообщения». Удивительно, но и на новой издательской стезе П. П. Мельников проявил себя наилучшим образом. Во-первых, журнал превратился под его руководством в регулярное ежемесячное издание, а во-вторых, подобно тому, как изнутри Измайловского собора поднимал Павел Петрович купол, «Вестник путей сообщения» постепенно стал первым в России железнодорожным журналом.

Среди публикаций нельзя не упомянуть и статей самого Мельникова (общий объем 450 журнальных страниц), обобщивших материалы, собранные им во время знакомства с железнодорожной Америкой. От номера к номеру журнал становился своеобразной школой русских инженеров, которым и предстояло в ближайшие годы заняться практическим строительством железных дорог. Напомним, что Мельников еще в 1835 году выпустил книгу о железных дорогах.

Вот при этом удивительном человеке и было преобразовано ведомство в министерство, и так уж получилось, что человек, который и строил сам первые железные дороги, стал первым железнодорожным министром. За семь лет, пока он возглавлял министерство, в России было построено около пяти тысяч километров железных дорог.

Но – вот уж ирония судьбы! – именно при Мельникове-министре и было продано его детище – Николаевская железная дорога.

Павел Петрович, как мог, сопротивлялся продаже, но времена «крестьян-извозчиков» ушли в прошлое, возле железных дорог сколачивались миллионные состояния, и к дороге тянулись такие сильные руки, что противостоять этому напору у Мельникова

просто не хватило сил.

«Да, ничего не поделаешь, – говорил он. – Надо уступать, но я утешаюсь тем, что неурядица должна скоро исчезнуть, ошибки можно впоследствии исправить и потери со временем даже вознаградятся, но дороги нужны обширной России, она покроется сетью – это главное, и каждая верста построенной железной дороги есть благо».

С этими словами, буквально выжитый из превратившегося в Клондайк министерства, и ушел Павел Петрович Мельников в отставку. Заботы академика, генерала, отставного министра целиком переключились в эти годы на семью. Очень хорошо устроил Павел Петрович свою племянницу. Она вышла замуж за наследника А. С. Пушкина и сделалась хозяйкой Михайловского. Это она с мужем и стояла, можно сказать, у истоков Михайловского музея-заповедника.

Так что и это семейное дело сделал Павел Петрович так же хорошо и очень задушевно, как делал все в своей насыщенной трудами на благо России жизни.

Удивительно достойно доживал академик генерал-лейтенант Мельников свои последние годы в Любани, возле построенной им железнодорожной магистрали.

Особенности петербургского романса

Из раннего детства остался в памяти сон.

Сумрачно, хмуро было вокруг, но вот сквозь эту муть пробился солнечный луч, и она пошла по нему, как идут по тропинке, и вошла в заросший розами благоухающий сад. Что было дальше, Настя не запомнила, ее разбудили.

Ей было тогда восемь лет. Они жили в алтуховской избушке, что стояла на окраине леса. Отца уже не было тогда с ними, его задавило в лесу упавшим деревом, и мать, Мария Тихоновна Вяльцева, оставшаяся с тремя детьми на руках, выбивалась из сил, чтобы прокормить их.

Сон приснился незадолго до того, как мать решила перебраться в Киев. Легенда утверждает, что денег на поезд не было, и Вяльцевы отправились в путь на самодельном плоте. В Киеве у восьмилетней Насти началась уже трудовая жизнь.

Три года она проработала ученицей в вышивальной мастерской, а потом ее отдали в горничные.

Анастасию Вяльцеву называют русской Золушкой, и в этом нет натяжки. В двенадцать лет будущая звезда российской эстрады убирала номера в гостинице на Крещатике. Здесь – девочка пела во время работы – ее и услышала певица Серафима Александровна Вельская, приехавшая в Киев на гастроли.

Серафима Александровна отнеслась к встрече с очаровательной юной горничной, обладавшей к тому же несомненным музыкальным дарованием, как к сюжету оперетты, в которой с таким успехом играла. Поддавшись порыву, она отвела девочку в труппу Иосифа Яковлевича Сетова, державшего в Киеве антрепризу.

Правда, и по протекции Серафимы Александровны Вельской юное дарование взяли для начала лишь в подтанцовку, оценив не голос, а фигуру Насти. И, как и должно быть в оперетте, карьера будущей звезды эстрады началась с провала. Во время первого же выступления она перепутала движения и была безжалостно освистана публикой.

Тем не менее неудача не сломила юную артистку.

«Я дебютировала на сцене тринадцати лет, – вспоминала она потом, – и этот день считаю самым счастливым днем не только моего детства, но и всей моей жизни».

Впрочем, и дальше сценический путь Вяльцевой долго еще не походил на тропинку в благоухающем розами саду. В девятнадцать лет она вступила в Киевское товарищество опереточных артистов под управление А. Здановича-Борейко, а через два года стала хористкой в опереточной труппе московского театра «Аквариум».

«Когда, по опереточному канону, хористки выстраивались дугой по обеим сторонам авансцены, – вспоминал театральный критик Александр Рафаилович Кугель, – то направо на первом, а иногда на втором месте стояла очень худая молодая девушка с прелестной улыбкой. Она была новенькая и действительно выделялась среди старой гвардии оперетки. Случалось, что она исполняла партии в два-три слова и пела „вот идет графиня“ или „как ужасно, как прекрасно“. Никому в голову не могло прийти, что эта худенькая девушка с прелестной улыбкой станет в своем роде всероссийской знаменитостью[17]…»

И все-таки случилось то, что и должно происходить в соответствии с сюжетом оперетты. Во время гастролей в Санкт-Петербурге на сцене петербургского Малого театра С. А. Пальма к Анастасии Вяльцевой пришел первый успех. Ей дали тогда самостоятельную роль в спектакле, поставленном по оперетте Николая Ивановича Куликова «Цыганские песни в лицах».

Роль цыганки Кати была совсем маленькой, но Вяльцева так спела романс «Захочу – полюблю», что бесхитростные слова:

Я степей и воли дочь,
Я забот не знаю,
Напляшусь на целу ночь —
День весь отдыхаю.

Захочу – полюблю,
Захочу – разлюблю.

Я над сердцем вольна,
Жизнь на радость мне дана![18] —

покорили публику. Вяльцевой долго аплодировали, студенты бросали на сцену фуражки… Успех артистки, певшей:

Подари мне молодец
Красные сапожки!
Разорю тебя вконец
На одни сережки! —

был полным, но самое главное – на этом спектакле Вяльцеву заметил богатый петербургский адвокат, завзятый меломан, 35-летний Николай Иосифович Холев. 22-летняя Анастасия Вяльцева стала, как тогда говорили, его воспитанницей.

Николай Иосифович оплатил Вяльцевой занятия вокалом с преподавательницей консерватории Елизаветой Федоровной Цванцигер и, по сути дела, вылепил из нее великую артистку.

2

Тогда на эстраде уже взошла звезда Вари Паниной. Она была всего на год младше Вяльцевой, но родилась не в селе на Брянщине, а в Больших Грузинах, «цыганском» районе старой Москвы, и эстрадная судьба ее сложилась проще и быстрее.

Четырнадцатилетней девочкой Варя (тогда она еще была Васильевой) попала в цыганский хор «Стрельна» Александры Ивановны Паниной.

Хотя и пела Варя исключительно по слуху, но память у нее была уникальная – достаточно было сыграть новый романс, и она сразу могла спеть его соло, без аккомпанемента.

Выйдя замуж за племянника своей хозяйки, хориста Панина, Варя вскоре перешла в «Яр», где выступала как солистка и участница цыганского хора.

В ее голосе было столько страсти и силы, что многие и ездили в «Яр», только чтобы услышать Варю Панину. Первенство ее казалось неоспоримым. Художник Константин Коровин заявил однажды Федору Шаляпину, что Панина поет лучше его.

– Это которая в «Яре» поет за пятерку?! – спросил Шаляпин.

– Да! – ответил Коровин. – За пятерку – песню. Зато как поет! Со страстью!

Просто одетая, почти без украшений выходила Варя Панина к публике.

Закуривала, расположившись в стоящем на сцене кресле.

Ее постоянные аккомпаниаторы терпеливо ожидали сигнала. Чуть заметный кивок, первые аккорды гитары – и зал наполнялся поразительно сильным Вариным голосом:

О позабудь былые увлеченья,
Уйди, не верь обману красоты!

Не разжигай минувшие мученья,
Не воскрешай заснувшие мечты!

Как отмечали музыковеды, голос у Вари Паниной был совершенно не женским по тембру, но с чисто женскими, удивительными по остроте своей интонациями:

Не вспоминай о том, что позабыто,
Уж я не та, что некогда была!
Всему конец! минувшее забыто!..
Огонь потух и не дает тепла![19]

С точки зрения классической вокальной школы все было неправильно в этом пении – Варя Панина не там брала дыхание, неверно расставляла ударения, но голос ее зачаровывал слушателей «глубокой, затаенной, как ночь» страстью.

Когда Анастасия Вяльцева еще только завершала свою учебу у Николая Иосифовича Холева, Варя Панина уже возглавила в «Яре» собственный хор, с которым и выступала теперь на открытых эстрадах Москвы.

О влиянии Вари Паниной на становление исполнительской манеры Анастасии Вяльцевой написано немало. Между тем правильнее говорить, конечно, об общей тенденции в развитии русской эстрадной культуры конца XIX века, немыслимой без цыганского пения. Более справедливыми представляются суждения о выработанном Вяльцевой под руководством ее наставника особом, псевдоцыганском стиле в исполнении романсов, о том, что ее эстрадный образ с самого начала строился на противопоставлении Варе Паниной.

Неспроста именно в Москве, в театре «Эрмитаж», и устроил Николай Иосифович Холев четыре года спустя после знакомства с Анастасией Вяльцевой «выпускной» концерт своей воспитанницы – специально, чтобы публика вынуждена была сравнивать новую звезду с уже признанной исполнительницей цыганских романсов.

Если Панина выходила на сцену в широких, очень просторных кофтах, то Вяльцева появилась в концертном платье из белого шелка с розовой отделкой и вышивкой серебром от знаменитого тогда кутюрье.

Публика была ошеломлена красотой певицы, а главное – голосом.

Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,

Минуты мне казалися часами,
Я вас ждала, но вы… Вы всё не шли…

Своим пением Вяльцева создавала вокруг себя атмосферу таинственности, и вместе с тем то, о чем она пела, было так близко слушателям, словно это в их жизнях и происходило, и каждому в зале казалось, что певица поет только для него:

Мне эта ночь навеяла сомненья…
И вся в слезах задумалася я.
И вот скажу теперь без сожаленья:
«Я не для вас, а вы не для меня!»

Любовь сильна не страстью поцелуя!
Другой любви вы дать мне не могли…
О, как же вас теперь благодарю я
За то, что вы на зов мой не пришли[20].

Победить Варю Панину казалось невозможно, но Анастасия Вяльцева – ее даже начали называть тогда «белой цыганкой» – была другой, и так ей удалось встать вровень с Паниной.

После концерта директор «Эрмитажа» Яков Васильевич Щукин предложил Вяльцевой 750 рублей жалованья в месяц, в конце сезона 1897 года он платил ей уже по 133 рубля за каждый выход, а через пару лет гонорары Анастасии Дмитриевны достигли заоблачных высот[21].

Триумф воспитанницы самому Николаю Иосифовичу Холеву обошелся дорого: через год после устроенного в театре «Эрмитаж» концерта он, как говорилось в официальных сообщениях, умер на почве нервного переутомления.

3

В 1901 году состоялось первое концертное турне певицы по городам России. Анастасия Вяльцева выступила в гастрольных концертах в Баку, Воронеже, Киеве, Курске, Ростове, Рязани, Одессе, Харькове и Тифлисе, а если сложить все гастрольные маршруты Вяльцевой по России, то получится расстояние, соразмерное с путем до Луны, про которую она пела в своих романсах.

Гай-да, тройка! Снег пушистый,

Ночь морозная кругом;
Светит месяц серебристый,
Мчится парочка вдвоем[22].

Путешествовала Вяльцева в своем собственном вагоне, заказанном в Бельгии. Здесь было все. И удобные апартаменты, и кухня, и ванная, и помещения для прислуги.

– Почему вы никогда не ездите за границу? – спрашивали у нее журналисты.

– За границу ездят искать славу. Я нашла ее в России… – отвечала певица.

И действительно, успех Анастасии Вяльцевой был невероятным.

Атмосфера, в которой проходили ее концерты, хорошо описана в «Театральных воспоминаниях» М. Вакарина:

«В Колонном зале, помимо люстр, над всем верхним карнизом расположен ряд свечей. Эти свечи вообще никогда не зажигались. Но в концерте Вяльцевой в момент ее появления на эстраде вдруг загорался весь ряд свечей вокруг всего зала, причем изрядное количество бриллиантов, украшавших грудь и голову певицы, начинало сразу играть. Поэтому ее выход на эстраду имел феерический эффект. И это освещение повторялось, сколько бы раз она ни выходила в течение вечера. Стоило ей сойти с эстрады, свечи гасли. Стоило ей появиться, свечи загорались вновь.

В конце концерта, когда начались бесконечные „бисы“, наступил неописуемый беспорядок. Молодежь, сидевшая на хорах и за колоннами, прорвалась вниз в проходы между кресел и столпилась у самой эстрады. Вот тут-то перед эстрадой и появились чины полиции и начались пререкания между блюстителями порядка и поклонниками таланта. Тогда мне стало понятно присутствие такого большого наряда полицейских. В первых рядах у эстрады сидели вся московская знать и именитое купечество, и вдруг перед их носом вырастала толпа студентов, курсисток, гимназистов и прочих незнатных людей, не слушающих никаких увещаний и распоряжений и в порыве восторга готовых все сломать на своем пути.

В самый разгар препирательств с полицией, когда какой-то чин уже начал повышать тон, зажигаются верхние огни, и на эстраде появляется сияющая и улыбающаяся Вяльцева. Она останавливается у края эстрады, смотрит некоторое время на волнующуюся толпу у своих ног и, когда шум несколько стихает, говорит громко, обращаясь к полицейским: „Оставьте их, какого

вы хотите порядка, когда я пою!“

Эти ее слова покрываются громом аплодисментов, и околоточные отступают»[23].

Концерты Анастасии Вяльцевой, длившиеся иной раз по пять часов, пролетали как одно мгновение. Певица переносила зрителя в мир, где мчатся гусарские тройки, где звенят цыганские гитары, где пенится шампанское, где царит любовь…

Дай, милый друг, на счастье руку,
Гитары звук разгонит скуку,
Забудь скорее горе злое,
И вновь забьется ретивое![24]

Она сама жила в волшебном мире романса, и в этом пространстве и принадлежала своим слушателям…

4

25-летний красавец Василий Викторович Бискупский, поручик лейб-гвардии Конного полка, шефом которого был сам император Николай II, возник на концерте Анастасии Вяльцевой, словно вышел из романсов, которые она пела.

И любовь тоже была похожей на ту, о которой поют в романсах.

Смотри, как все заснуло
Волшебным сладким сном,
Как все сулит нам счастье
С тобой вдвоем,

Как в этой чудной ночи
Все полно тишины,
Как будто в целом мире

Лишь я да ты[25].

Была здесь и повышенная, переходящая в экзальтированность эмоциональность, и смешанная с эротикой чувственность, и страсти, рвущие в клочья сердца влюбленных.

Конечно, красавица Анастасия Вяльцева, которая к тому времени обладала уже солидным состоянием и приобрела большой дом в Санкт-Петербурге, была весьма завидной партией.

Но оставались и сословные барьеры, которые никто не отменял. Правила лейб-гвардейского полка, в котором служил Бискупский, категорически запрещали мезальянсы, и здесь начиналась уже совсем другая романсовая тема:

Скажи, зачем мы повстречались?
Зачем тебя я полюбила?
Зачем твой взор улыбкой мне ответил
И счастье в жизни подарил?[26]

Трудно сказать, на какие жертвы не готова была пойти Анастасия Дмитриевна ради своей любви.

Как бы повышая свой общественный статус, эта, уже сделавшая себе имя и приобретшая свою неповторимую манеру исполнения романсов, эстрадная артистка решила перейти в оперу.

Неизвестно, осознавала ли сама Вяльцева, что приносит в жертву любви саму природу своего таланта, но принятое ею решение стало настоящим гвоздем театрального сезона 1903 года. Город был завешан афишами, извещавшими, что Вяльцева будет петь главные партии в операх «Кармен», «Самсон и Далила», «Миньон», «Пиковая дама».

Страсти накалились до такой степени, что в «Русском слове» выступил известный собиратель сибирских каторжных песен Вильгельм Наполеонович Гартевельд с протестом против исполнения Вяльцевой партий оперных героинь. Исполняла их Анастасия Дмитриевна действительно весьма своеобразно.

«Вяльцева держалась на сцене, как будто давно пела в опере, – пишет в своих „Театральных воспоминаниях“ М. Вакарин. – Внешний образ Далилы был, конечно, не историчен, но очень эффектен. Голосом Вяльцева владела отлично и со стороны звука партию провела хорошо. Но в силу своей привычки к выработанному ею псевдоцыганскому жанру в исполнении романсов, Вяльцева и Сен-Санса исполняла с ничем не оправданными ритмическими отклонениями, то ускоряя, то

затягивая ритм музыкальной фразы, превращая четверти то в восьмые, то в шестнадцатые, то в половинные. Да и по характеру исполнения она мало походила на библейскую филистимлянку.

У публики все-таки она имела большой успех, хотя в некоторых местах, где ее стиль особенно не вязался с музыкой Сен-Санса, сверху раздавались негодующие возгласы: „К Омону!“ (Омон держал в Москве театр-варьете)».

Последняя фраза в этом достаточно доброжелательном отзыве явно отсылает нас к дебюту юной Вяльцевой в труппе Иосифа Яковлевича Сетова, и о том, что чувствовала сама Анастасия Дмитриевна, слушая подобные выкрики, лучше, чем словами романса, который так любила петь Вяльцева, и не скажешь:

> Ах! Да пускай свет осуждает,
> Ну, да пускай клянет молва,
> Кто раз любил, тот понимает
> И не осудит никогда![27]

Неизвестно, как развивался бы дальше роман гвардейского поручика и звезды российской эстрады, решившей превратиться ради любви к нему в заурядную оперную певицу, но 27 января 1904 года[28] без объявления войны десять японских эсминцев атаковали стоявшую на рейде у Порт-Артура русскую эскадру. Получили повреждения и надолго вышли из строя лучшие русские броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан».

В этот же день в бухте Чемульпо, где после неравного боя с шестью японскими крейсерами и восьмью миноносцами был затоплен командой тяжело поврежденный крейсер «Варяг», началась высадка 1-й японской армии.

Уже 30 января была сформирована Маньчжурская армия под командованием А. Н. Куропаткина в составе 1, 2 и 3-го Сибирских армейских корпусов и части Забайкальского казачьего войска, а 31 января, помимо прочих военных распоряжений, император Николай II повелел вызвать от своего имени всех желающих идти на войну с Японией из числа кавказских горцев, не несущих воинской повинности.

Из этих добровольцев, или, как их называли в то время, «охотников», сформировали отдельную бригаду, именовавшуюся «Кавказской конной бригадой», которая состояла из двух шестисотенных полков: Терско-Кубанского и 2-го Дагестанского. Начальником бригады был назначен генерал-майор князь Орбелиани, а командиром 2-го Дагестанского конного полка – полковник Хан Нахичеванский.

Участия гвардейских полков в Русско-японской кампании не предполагалось, но отдельные гвардейские офицеры с высочайшего разрешения пошли на войну добровольцами. В их числе был и поручик Бискупский, который 26 марта 1904 года перевелся из лейб-гвардии в чине подъесаула во 2-й Дагестанский конный полк.

Не видеть мне твоих лобзаний,
Не слышать мне твоих речей,
Не разделять с тобой твои страданья
И тихой радости твоей[29]. —

говорила героиня романса «Зачем» Саши Давыдова, и исполнительница его повторила эти слова самой своей жизнью.

5

Считается, что Анастасия Вяльцева отправилась на Русско-японскую войну когда узнала, что Василий Бискупский ранен. Позабыв тогда о всякой осторожности, она разорвала гастрольный контракт и отправилась в Харбин, чтобы стать сестрой милосердия и самой ухаживать за любимым.

Это не совсем так.

Как видно из послужного списка В. В. Бискупского, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве[30], в Петровске Бискупского задержали полковые хлопоты – поначалу он был назначен в Дагестанском полку субалтерн-офицером[31] 3-й сотни и некоторое время исполнял должность заведующего оружием – в результате только 29 июля 1904 года Бискупский «переехал станцию Маньчжурия».

Между тем, если перелистать газетные сообщения, выяснится, что Анастасия Дмитриевна Вяльцева выехала на Дальний Восток чуть раньше.

«В десять с половиной часов вечера с Николаевского вокзала с курьерским поездом выехала в Иркутск А. Д. Вяльцева – сообщила 19 июля 1904 года „Петербургская газета“ под заголовком „Отъезд г-жи Вяльцевой на Дальний Восток“».

«Вчера уехала на Дальний Восток А. Д. Вяльцева, – сообщили 20 июля „Новости дня“. – Ввиду отъезда артистки все обещанные в разных местах с ее участием спектакли в течение лета не состоятся.

Считается, что отъезд Вяльцевой на Дальний Восток стал настоящей трагедией для композитора Николая Владимировича

Зубова, написавшего специально для Вяльцевой несколько десятков романсов. Прощаясь с Анастасией Дмитриевной, в которую он был так влюблен, Зубов подарил ей романс «Я бы хотел тебя забыть», и больше уже ничего не писал для эстрады.

Впрочем, сама Вяльцева, кажется, и не задумывалась о потере этого своего поклонника.

«В среду в 4 ч. дня прибыла в Харбин из Петербурга известная артистка А. Д. Вяльцева и остановилась в Старом Харбине», – сообщил 5 августа «Харбинский вестник».

Концерт свой, как явствует из телеграммы Владимира Ивановича Немировича-Данченко, помещенной в «Русском слове», Анастасия Дмитриевна дала в Харбине в субботу 14 августа 1904 года.

«Вчера был в Харбине концерт Вяльцевой. Сбор огромный. Шаляпинские цены оправдались симпатичной целью. Весь сбор – в пользу увечных и семейств убитых нижних чинов пограничников. Концертантке устроили бурные овации».

Более подробно об этом концерте написал «Харбинский вестник»:

«Концерт А. Д. Вяльцевой в субботу в театре Арнольдова привлек массу публики, несмотря на непролазную грязь на пристани. Извозчики из Нового Харбина довозили пассажиров только до начала китайского базара и дома, где была гостиница Бристоль; после чего публика при лунном освещении должна была пешком пробираться до городского сада…»

Тем не менее и это препятствие не помешало успеху концерта.

«Никогда еще наш летний театр не вмещал в своих стенах такой массы публики, как в минувшую субботу, когда весь фешенебельный Харбин явился сюда послушать единственную в своем роде А. Д. Вяльцеву великодушно согласившуюся спеть в пользу увечных и семейств убитых нижних чинов Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи.

Несмотря на очень повышенную плату, уже задолго до вечера был вывешен аншлаг: „Билеты все проданы“ (в том числе и на особо устроенные места в оркестрах, проходах и „приставные“). Многие покупали билеты из вторых и третьих рук, уплачивая большую премию (десятирублевое место в оркестре продано за 25 руб., а рублевый билет на галлерею куплен за 4 руб. и т. д.).

Спектакль начался веселым фарсом „Супружеское счастье“, сыгранным труппой Арнольдова почти с полным ансамблем.

Но вот, наконец, и третье отделение, в котором должна петь А. Д. Вяльцева. Зал трещит от публики. Негде яблоку упасть. Взвился занавес, и на эстраде появилась грациозная

А. Д. Вяльцева, одетая в скромное серое платье. Ей преподнесли роскошный букет. За пианино сел г. Вуич, старательно аккомпанировавший артистке.

Если первому романсу, спетому артисткой заметно уставшим от дороги голосом, скептики не спешили аплодировать, то с каждой новой песней мысленное расстояние между артисткой и слушателями делалось все меньше, пока наконец публика не отдалась всецело обаянию этого прекрасного голоса, чарующего своей выразительностью. Громы аплодисментов и полное энтузиазма bis сопровождали каждый пропетый романс. Зал был покорен артисткой, ее передачей самых простых цыганских романсов, ее чудной фразировкой и умением оттенить то удаль бесшабашную, то полную неги страсть.

В конце концов наэлектризованный партер устроил артистке ряд шумных оваций. Нельзя не сказать спасибо за то высокое художественное наслаждение, которое она доставила харбинцам, и за материальную помощь, оказанную ее концертом сиротам и увечным чинам пограничной стражи».

С Василием Викторовичем Бискупским в Харбине Анастасии Дмитриевне встретиться не удалось. Тринадцатого августа 1904 года, как раз накануне концерта, он попал в перестрелку на реке Тайцзыхэ и был ранен пулей в грудь навылет.

Узнав об этом, Анастасия Дмитриевна после концерта сразу же отправилась в Гунжулин, хотя ее и уговаривали не ездить туда. В гунжулинском полевом госпитале и увидел ее столичный корреспондент:

«С позиций несли десятки и сотни раненых. Под наскоро сделанным из циновок навесом кипела работа; измученные врачи и сестры милосердия не покладая рук то перевязывали раны, то укладывали и одевали страждущих, и для каждого было готово у них слово ласки и ободрения. Между сестрами милосердия мне мелькнуло знакомое лицо, но скромный костюм… утомление и забота, видимо, изменили сестру настолько, что я не мог припомнить, где я ее видел. А что видел и даже много раз, в том я был убежден. Улучив момент, я подошел к ней с вопросом: не встречались ли мы с нею в России? Внимательно взглянув на меня, она улыбнулась и, размешивая какое-то питье, ответила: „А что, меня, должно быть, трудно теперь узнать? Вы меня видели в Н., где я играла в летней труппе“. Я горячо пожал ей руку и выразил свое изумление по поводу того, что пришлось ее видеть здесь, на поле сражения, после драматической сцены. „Да ведь и это – драма, да еще какая! – ответила она с грустной улыбкой. – А теперь, извините, мне нужно к больному“, – и, пожав мне руку, отошла»[32].

Несколько недель ухаживала Вяльцева за своим возлюбленным, и тут уже в датах нет никаких расхождений.

Выписавшись из госпиталя, В. В. Бискупский отправился в полк и, как видно из послужного списка, 24 сентября участвовал в бою на реке Шахэ, а 26 сентября 1904 года вступил в командование 5-й сотней 2-го Дагестанского полка[33].

Ну, а Анастасия Дмитриевна вернулась в Санкт-Петербург. «Вчера с поездом экспресс Московско-Курской ж.д. возвратилась с Дальнего Востока артистка А. Д. Вяльцева», – сообщила 21 сентября газета «Русское слово».

Подлинные события, как мы видим, смешались в этой истории с легендами, и происходило это не столько по воле героев этих событий, отнюдь не стремившихся афишировать свои отношения, а просто потому, что, в соответствии с логикой романса Саши Давыдова:

Тебя отнимут у меня,
Ты ведь не мой, ты ведь не мой!
Тебя отнимут у меня,
Ты ведь не мой, я не твоя!

Но если ты, внимая страсти,
Придешь назад, желанный мой,
То я тебе открою в жизни счастье,
Весь мир забудешь ты со мной.

Тебя не вырвут у меня,
Ты будешь мой, ты будешь мой!
Тебя не вырвут у меня,
Ты будешь мой, а я твоя, —

изменялись причинно-следственные связи и в реальной жизни. Как бы то ни было, уже 19 октября 1904 года Вяльцева пела в Санкт-Петербурге в концерте «Цыганские песни в лицах».

«Все бинокли зала готовы были как бы проглотить Анастасию Дмитриевну, туалет которой был в полном смысле ослепительным: артистка, казалось, вся была как бы обрызгана дождем серебристых палеток по белому тюлю на желтом шелковом transparent, – писала в отчете „Петербургская газета“. – Корсаж отделан белыми брюссельскими кружевами и залит бриллиантами в разных оправах, переплетавшимися с нитями жемчуга».

Успех был триумфальным.

Раскланиваться Анастасии Дмитриевне пришлось на фоне

поднесенных ей огромнейших корзин разноцветных хризантем. Одна из корзин, как обратил внимание газетный репортер, отличалась «таинственными цветами своих шелковых лент: белой, желтой и черной»[34].

6

Для подъесаула Бискупского после встречи с возлюбленной – как будто в романсе и происходила она! – тоже началась та полная подвигов и геройских свершений война, на которую он так стремился.

Он участвовал 13 октября 1904 года в усиленной рекогносцировке возле деревни Халантоза, а 15 октября – в усиленной рекогносцировке возле деревни Янтайцзы. Ну, а 26 декабря 1904 года, когда начался рейд в японский тыл на Инкоу вместе с конницей генерал-лейтенанта Павла Ивановича Мищенко пошла и 5-я сотня подъесаула Бискупского. В декабре он участвовал в атаке у деревни Калихэ, в бою за Инкоу, а 1 января – в бою у деревни Шипаипучинцзы.

Переломить ход боевых событий легендарный рейд Павла Ивановича Мищенко не смог, но от него осталась песня:

За рекой Ляохэ загорались огни,
Грозно пушки в ночи грохотали,
Сотни храбрых орлов
Из казачьих полков
На Инкоу в набег поскакали.

Пробиралися там день и ночь казаки,
Одолели и горы и степи.
Вдруг вдали, у реки,
Засверкали штыки,
Это были японские цепи…

Как видно из послужного списка[35], подъесаул Бискупский участвовал также и в наступлении на Сандепу близ Мукдена, развернутом генералом А. Н. Куропаткиным, и 14 января 1905 года отличился в знаменитой атаке 2-го Дагестанского полка у деревни Ландунгоу, предпринятой для выручки 1-й Забайкальской казачьей дивизии.

За проявленную в этих боях храбрость 9 января 1905 года Василий Викторович был награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», 11 февраля – орденом Св. Станислава

3 степени с мечами и бантом.

6 (19) февраля в неделю о мытаре и фарисее началось крупнейшее в Японской войне Мукденское сражение. На фронте шириною до 150 километров трехсоттысячная армия генерала А. Н. Куропаткина противостояла войскам примерно такой же по численности армии маршала И. Аямы.

Сотня Бискупского участвовала в этом сражении, сначала отражая японские атаки у деревень Хумахулинзы, Чемахулинзы и Сяодамань; а потом в боях на правом берегу реки Хунхэ. В ходе разведки противника 19–22 февраля Бискупскому со своей сотней удалось обнаружить наступление японцев в прорыв между 1-й и 2-й Маньчжурскими армиями.

1-я японская армия генерала Куроки угрожала тогда перерезать в тылу главных русских сил Мандаринскую дорогу, и уже находясь фактически в мешке, А. Н. Куропаткин, однако, успел в полном порядке отвести армию к Телину а потом на сыпингайские позиции в 175 километрах к северу от Мукдена.

Вот список операций, в которых участвовал есаул Бискупский после кровопролитного Мукденского сражения и наград, которых был удостоен в их ходе:

20–24 марта 1905 года. Усиленная рекогносцировка на деревни Инзятунь и Иумоту.

26–31 марта. Боевая рекогносцировка на деревню Сапидяцзы.

1 апреля. Орден святой Анны 3 степени с мечами и бантом.

2 апреля. Боевая рекогносцировка на деревню Чантафу.

21–23 апреля. Отражение противника у деревни Побаотунь.

5 мая – 3 июля. Боевые рекогносцировки в районе деревень Чаосантахэ и Дупляохэ.

19 мая. Орден святого Станислава 2 степени с мечами.

3 и 4 июля. Отражение нападения японцев на деревни Политунь и Силитунь.

14 июля. Отражение нападения японцев на деревню Чандиола.

15 июля. Наступление на деревни Сыдязы, Эрдагоу и Чудязы.

30 и 31 июля. Отражение нападения японцев на линию деревень Хиутояла, Политунь и Чандиона.

1 августа. Наступление на деревни Людязы и Мадыгауза.

12–14 августа. Рекогносцировка на деревни Побаотунь и Людязы.

1 сентября. Орден Святой Анны 2 степени с мечами.

4 сентября. Орден Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом.

В этом перечислении сливаются военные труды и геройства офицера Бискупского с трудами и подвигами огромной армии, в

тылу которой разгорается огонь первой русской революции.

С каждым днем войны становилось все яснее, что, несмотря на разгром русского флота, ни силами, ни средствами для оккупации Северной Маньчжурии, не говоря уже о русском Дальнем Востоке, Япония не располагает.

Русская армия в свою очередь из-за начавшейся революции не способна была нарастить достаточную мощь, чтобы смести с континента японские армии.

В конце января 1906 года 2-й Дагестанский полк торжественно встречали в Петровске, а есаул Василий Викторович Бискупский уже 30 декабря 1905 года прибыл в Санкт-Петербург, где возвратился в лейб-гвардию с переименованием в поручики.

Впрочем, уже 20 января 1906 года блестящий, увешанный орденами, герой Русско-японской войны был произведен в штабс-ротмистры, а 13 апреля 1906 года назначен командиром 3-го эскадрона Лейб-гвардии Конного полка.

Полтора года длилась разлука Анастасии Вяльцевой Василия Бискупского.

Теперь:

К тебе летят мои мечты,
К тебе летят мои желанья,
И весь ты блеск очарованья,
Вся радость жизни ты.

К тебе я шлю немым приветом
В душе рожденный гимн любви;
Он светит мне небесным светом,
Хотя рожден в крови,[36] —

они снова были вместе.

7

Слава Анастасии Дмитриевны Вяльцевой поднялась уже на такую заоблачную высоту которой не достигала еще ни одна эстрадная певица.

Не все знают, что многие любимые и сейчас романсы были написаны именно для нее. Для Вяльцевой создавали свои шедевры А. Н. Чернявский и Я. Ф. Пригожий, а влюбившийся в певицу Николай Владимирович Зубов написал для нее, как мы уже говорили, более двадцати романсов, и среди них ставшие классикой: «Под чарующей лаской твоею», «Я тебя бесконечно

люблю», «Не уходи, побудь со мною»…

В Санкт-Петербурге Анастасия Вяльцева давала сольные концерты в зале Благородного собрания с прибылью до 20 тысяч рублей за вечер – сумма, немыслимая даже для таких исполнителей, как Федор Шаляпин!

Росла в эти годы и слава Вари Паниной. Ее пение слушали Лев Толстой, Александр Куприн, Антон Чехов и даже особы царской фамилии. В марте 1906 года на концерте Вари Паниной в Мариинском театре присутствовал император Николай II с семьей.

Кстати, это отчасти ему мы обязаны тем, что голос Вари Паниной сохранился для нас. После концерта Николай II поинтересовался, почему в его коллекции нет грампластинок со звукозаписями Паниной. Вскоре представители общества «Граммофон» преподнесли императору альбом с записями Вари Паниной[37].

И вот состоялся концерт, который не мог не произойти. Впервые на одной сцене встретились «белая цыганка», «певица радостей жизни» Анастасия Вяльцева, и настоящая цыганка, певица роковых страстей Варвара Панина. Они были совершенно разными.

Анастасия Вяльцева воплощала на сцене образ нежной, чарующей женственности:

Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло,
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.[38]

Ну, а Варвара Панина пела чуть хрипловатым, почти мужским голосом, но хотелось бесконечно слушать ее:

Жалобно стонет ветер осенний,
Листья кружатся поблекшие.
Сердце наполнилось тяжким сомнением,
Помнится счастье ушедшее.[39]

Концерт в зале московского Дворянского собрания завершился только после вмешательства полиции в два часа ночи. После этого концерта Варе Паниной оставалось жить чуть больше года. 10 июня 1911 года она вошла в свою гримерную, села в кресло, закурила, как обычно, и тут сердце ее остановилось. Погасла недопетая песня, закончилась не достигшая

сорокалетнего рубежа жизнь.

Варвара Панина говорила: «Я живу только тогда, когда пою».

Но это могла сказать про себя и Анастасия Вяльцева. Даже когда она не пела, ее жизнь сама складывалась в романс.

8

Своих детей у Анастасии Дмитриевны не было, она воспитывала подобранную на гастролях в волжском городке девочку.

Еще одного ребенка Вяльцевой подкинули в 1901 году в корзине с цветами. Когда после концерта Анастасия Дмитриевна приехала домой, корзина вдруг начала плакать. Тогда разобраны были цветы и среди них нашли младенца, усыпленного маковым отваром, а в его пеленках – записку со словами: «Женя Ковшаров».

Когда Женя подрос, она отдала его в Реальное училище, а девочку окружила материнским вниманием и заботой, но она вдруг тяжело заболела и – несмотря на усилия медиков – умерла.

И отношения с Василием Викторовичем Бискупским:

Миг этот наш, при звоне чаш
Замри в порыве наслажденья,
Любви прочувствуй упоенье
И верь сильней любви своей,
И верь сильней любви своей!

Пусть безрассудочно сожжем
Мы жизнь и сердце свое вольно,
Пускай поплатимся мы больно,
Зато теперь мы счастье пьем[40]… —

тоже все решительнее замыкались в пространстве романса, который предназначен для сцены, а не для обыденной жизни.

Мы говорили уже, что, вернувшись с Русско-японской войны, Василий Бискупский благополучно продолжил службу в лейб-гвардейском конном полку, он получал награды и производства, неоднократно избирался, как это видно из его послужного списка, членом полкового суда…

И тем не менее, когда в 1910 году Бискупский все-таки вступил в официальный брак с Анастасией Дмитриевной Вяльцевой, перед ним выросла стена отчуждения, преодолеть которую оказалось невозможно.

«Лихой и способный офицер, весьма неглупый и с огромным честолюбием, непреодолимым желанием быть всегда и всюду первым, Бискупский был долгое время в полку коноводом, пользуясь среди товарищей большим влиянием, – писал о В. В. Бискупском в своих „Записках“ Петр Николаевич Врангель. – Он женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку. Такое фальшивое положение все же продолжаться не могло…»

Выход из «фальшивого положения» тогда был один.

Шестого августа 1910 года ротмистру Бискупскому пришлось сдать командование эскадроном, и 10 апреля 1911 года он был уволен от службы полковником, с мундиром и зачислением в конное ополчение по Петербургскому уезду[41].

Для честолюбивого Василия Викторовича Бискупского, не представлявшего жизни без военной службы, увольнение стало настоящей катастрофой! Ну, а Анастасия Дмитриевна, разрушая сам жанр романса, попыталась инсценировать спетое:

Но если ты, внимая страсти,
Придешь назад, желанный мой,
То я тебе открою в жизни счастье,
Весь мир забудешь ты со мной… —

в житейско-материальном варианте.

Словно пытаясь компенсировать мужу потерю эскадрона, она дала ему деньги на приобретение у графа Павла Алексеевича Игнатьева имения в Дриссенском уезде Витебской губернии, где и должны были с настоящим помещичьим размахом поселиться молодые Бискупские.

Двадцать четвертого августа 1910 года Василий Викторович имение купил, но в тот же день заложил его у Федора Михайловича Жукова по закладной крепости за 28500 рублей, а затем заложил имение в Государственном дворянском земельном банке за 52000 рублей.

Возможно, как полагают некоторые биографы Вяльцевой, эти деньги потребовались Василию Викторовичу на карточную игру, возможно, они были вложены в более пристойные предприятия, когда, как пишет П. Н. Врангель, Бискупский «бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними».

Но это и не важно, куда – на азартные игры или на не менее деньгоемкие предпринимательские эксперименты – употребил Василий Викторович вырученные от залога имения суммы, все

равно ведь приобретенное имение вместе с усадьбой Каменка тяжким ярмом повисло на очаровательной шейке Анастасии Дмитриевны.

«Дом не готов, погода средняя, холодно очень, но в жилых комнатах тепло и светло… – писала она летом 1910 года своему аккомпаниатору Алексею Владимировичу Таскину – Рутковский уехал, конечно, не окончив построек. Ну, я так рада, что его нет, я проклинаю минуту ту, в которую мне пришла мысль сделать Литвиненке доброе дело и послать его в Каменку. Он мне сделал столько зла, что не перечесть, и самое главное зло это Рутковский. Это нечто, что не поддается описанию. Мне все из-за этих двух типов здесь противно, и я ненавижу Каменку…»

Насколько много сил и средств вкладывала Анастасия Дмитриевна в приобретенное для мужа имение, рассказал после кончины Вяльцевой Алексей Владимирович Таскин. Он поведал тогда корреспонденту газеты «Свет», что отговаривал певицу от последнего турне, советовал ей поехать лечиться.

– Нельзя! – ответила Вяльцева. – Слишком большие расходы по имению. Нужны деньги. Эта поездка будет предпоследней. Съезжу еще весной, и баста! Весной кончаются мои скитания по России.

Конечно, Анастасия Дмитриевна и на эстраду умела выйти так, что публика как-то сразу подчинялась ей. И в принципе, несмотря на всю свою утонченность и необыкновенную артистическую нежность, она, несомненно, обладала и деловой хваткой, которой достаточно было, чтобы справиться со всеми навалившимися на нее проблемами, но повторим, что она не просто пела романсы, она жила ими.

Поэтому-то вместо того, чтобы выправиться ситуации, случилось то, что и должно случаться в романсах.

На концерте в Курске Анастасии Дмитриевне первый раз в жизни сделалось дурно на эстраде. Предание утверждает, что Анастасия Дмитриевна начала тогда петь свою любимую «Чайку»:

> Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
> Над озером быстрая чайка летит.
> Ей много простора, ей много свободы,
> Луч солнца у чайки крыло серебрит[42], —

но, спев всего несколько тактов, вдруг замолчала. В зале стояла мертвая тишина. Вяльцева попыталась снова запеть, пошатнулась и упала.

Рассказ этот не вполне совпадает со свидетельством аккомпаниатора Алексея Таскина, который утверждал, что после

обморока в Курске Вяльцева вынесла еще 14 городов, пока, наконец, не приехали в Воронеж, где и произошел тот самый «концерт-панихида».

«Чувствуя себя совершенно больной, Анастасия Дмитриевна не могла подняться с постели и, всегда аккуратная, заставила публику ждать до десятого часа вечера. Наконец она приехала, вернее, ее привезли. Публика кричала, стучала, а она в это время лежала на диване, не разрешая поднять занавес, пока она не наберется сил, чтобы петь… Наконец занавес подняли, и Анастасия Дмитриевна, запела, опираясь рукою то на рояль, то на меня. Вместо знаменитой улыбки на лице была какая-то болезненная гримаса…

Кое-как первое отделение кончилось, но дальше петь Анастасия Дмитриевна была совершенно не в состоянии. Она вышла к публике, извинилась, что больна, и обещала в следующий приезд спеть вдвое больше.

Часть публики неистово зааплодировала, но другая часть стала кричать о какой-то Божьей каре, что не следовало устраивать концерт 5 декабря, под Николу Угодника»[43].

Как бы то ни было, но пришлось отменить назначенный на 10 декабря концерт Вяльцевой в Уфе. Вяльцева прошла медицинское обследование, и врачи поставили диагноз «рак крови»…

В начале 1913 года газеты запестрели заголовками «Смертельная болезнь А. Д. Вяльцевой».

«А. Д. Вяльцева, – писала 22 января 1913 года газета „Свет“, – настолько слаба, что еле может двигаться в постели. Консилиум врачей признал положение весьма опасным. В Петербург прибыл профессор Эндерлейн, который должен провести операцию переливания крови по его специальному способу. Операция эта представляет большую опасность. До сих пор профессор Эндерлейн сделал шесть таких операций, из коих одна закончилась смертью. А. Д. Вяльцева находится в полном сознании, но так слаба, что не в состоянии говорить. У постели больной все время дежурят врачи.

Немецкий профессор Эндерлейн произвел над больной артисткой А. Д. Вяльцевой операцию переливания крови. Сперва хотели взять кровь из двух женщин, но против этого запротестовал муж больной, полковник Бискупский, и заявил, что желает, чтобы операция добывания крови была произведена над ним.

Профессор Эндерлейн освидетельствовал кровь полковника Бискупского и заметил, что кровь мужчин более подходит для переливания».[44]

Подробно была описана в газете и сама операция

переливания крови:

«Правая рука полковника была тщательно приготовлена к операции. После этого был сделан надрез почти до кости и извлечена наружу артерия. Операция по желанию оперируемого была произведена без хлороформа. Полковник Бискупский стойко выдержал операцию, только нервные передергивания лица выдавали настроение.

У больной надрез был сделан на левой руке. После этого артерии мужа и жены были вскрыты и связаны. Операция продолжалась 40 минут, и из полковника Бискупского было взято около восьми стаканов крови.

Бодро державшийся все время В. В. Бискупский по окончании операции впал в обморочное состояние. Немедленно были приняты меры к приведению его в чувство.

Первое влияние операции был румянец и в глазах больной – давно невиданный в них блеск. Профессор Эндерлейн остался доволен исходом операции. Тем не менее он предупредил близких артистки, что о последствиях переливания крови он еще ничего определенного сказать не может.

Если сердце А. Д. Вяльцевой выдержит и кровь ее мужа равномерно распределится по всему организму, то она спасена»[45]…

Увы. Переливание крови по методу профессора Эндерлейна не помогло.

> Но что это? выстрел! нет чайки прелестной,
> Она умерла, трепеща в камышах,
> Шутя ее ранил охотник безвестный,
> Не глядя на жертву, он скрылся в горах… —

говорилось в недопетом Вяльцевой романсе, и хотя и сама Анастасия Дмитриевна, и Василий Викторович Бискупский делали все, чтобы разорвать его магическое воздействие, вырваться из очерченного круга судьбы они были не в силах.

Когда Анастасия Дмитриевна очнулась после операции, она потребовала, чтобы немедленно был позван священник. Пришел священник из Благовещенской церкви и причастил Анастасию Дмитриевну. После этого она снова впала в бессознательное состояние.

Четвертого февраля 1913 года королева русского романса, русская Золушка, превратившаяся из горничной девушки в самую богатую и знаменитую женщину России, скончалась.

Было тогда Анастасии Дмитриевне Вяльцевой-Бискупской чуть больше сорока лет.

В сказке про добрую фею, которую так любят связывать с именем Вяльцевой, после полночного удара часов исчезли, превратились в жалкий хлам все подарки волшебницы. Так случилось и после кончины Анастасии Дмитриевны.

И это тем более странно, что за несколько дней до операции по переливанию крови, 19 января 1913 года, Анастасия Дмитриевна составила завещание, где четко оговорила, кому и что должно достаться от оставшегося после нее имущества.

Но путаница началась еще при жизни Вяльцевой, когда 23 января 1913 года газета «Свет» поместила заметку: «За несколько дней до операции А. Д. Вяльцева составила духовное завещание. Большую часть своего 2,5-миллионного состояния завещала мужу, остальную же часть распределила на благотворительные учреждения».

На самом деле все было наоборот, большую часть своего состояния Анастасия Дмитриевна предназначала как раз на благотворительные цели. Она завещала городу свои дома в Санкт-Петербурге для устройства больницы «имени А. Д. Вяльцевой-Бискупской». В случае непринятия городом этого пожертвования дома должны были отойти ведомству императрицы Марии для устройства приюта имени Вяльцевой-Бискупской для воспитания внебрачных детей.

Часть денег Анастасия Дмитриевна завещала братьям и матери. 40000 рублей – найденному в корзине с цветами Евгению Федоровичу Ковшарову.

Что получил Бискупский – не очень и понятно, потому что в пункте 1 завещания Анастасия Дмитриевна Вяльцева распорядилась получить кредит 100 000 рублей под залог ее недвижимости на набережной Карповки и выдать эту сумму ее мужу гвардии полковнику в отставке Василию Викторовичу Бискупскому «в полное его распоряжение по известному ему назначению». Однако в обеспечение этой ссуды Бискупский должен был выдать беспроцентную закладную крепость на принадлежащие ему два недвижимых имения в Дриссенском уезде Витебской губернии в сумме 80 % полученной душеприказчиком ссуды под ее недвижимость. Кроме этого, Бискупский брал на себя обязательство погасить полученный кредит в течение трех лет, после чего душеприказчик должен был возвратить закладные на имения, а дома, освобожденные из-под залога, передать городу для устройства больницы.

Все было продумано Анастасией Дмитриевной, но – увы! – практически большинству из назначенного не суждено было

осуществиться.

Не воспользовался своими сорока тысячами – огромная по тем временам сумма! – Евгений Ковшаров. Сразу после смерти Вяльцевой впечатлительный подросток покончил жизнь самоубийством.

Василий Викторович Бискупский хотя и выполнил обязательство по погашению ссуды, но город дома так и не получил из-за бюрократических процедур, продлившихся аж до 1919 года, когда дело о наследстве было прекращено естественно-революционным образом. Даже знаменитый вагон певицы, и тот таким же революционным образом сделался через несколько лет штабным вагоном правителя Сибири Александра Колчака, а потом перешел в наследство маршалу Василию Блюхеру.

Более других из ближайших родственников выиграл после кончины Анастасии Дмитриевны, конечно, Василий Бискупский. И не из-за стотысячного кредита, а потому что смерть жены открыла ему дорогу назад в армию.

Уже 28 марта 1913 года полковник вернулся на службу и был определен в 16-й гусарский Иркутский Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полк.

В августе 1914 года Бискупский воевал в Восточной Пруссии. Лично водил эскадрон в атаку под Шмаленинкеном, «чем способствовал окончательному успеху», и был за это награжден Георгиевским оружием.

Восьмого декабря он принял командование 1-м драгунским Московским полком. 1 апреля 1915 года был награжден орденом Святого Владимира 3 степени с мечами, а за атаку при Ширвинте – орденом Святого Георгия 4 степени.

С лета 1915 года полковник Бискупский командовал уже бригадой, и 7 июня 1916 года был произведен в генерал-майоры и назначен командующим кавалерийской дивизией. Было ему тогда всего 38 лет.

Если учесть трехлетний перерыв в карьере, то получается, что до генеральского звания Василий Викторович Бискупский дослужился (он был зачислен корнетом в лейб-гвардии Конный полк 13 августа 1897 года) всего за шестнадцать лет.

Карьера стремительная, особенно если учесть, что А. А. Брусилов, например, стал генерал-майором только в 47 лет, А. И. Деникин – в 42 года, а П. Н. Врангель, чей отзыв о Бискупском мы цитировали, – в 39 лет.

И как бы мы ни относились к этому, но получается, что самой своей безвременной кончиной Анастасия Дмитриевна Вяльцева освободила своего любимого для его блистательной карьеры, делая и саму эту карьеру частью спетого ею романса:

Бери же всё, что даст судьба,
Никто не может ей сопротивляться.
Ведь наша жизнь так коротка…
Так стоит ли тужить и волноваться?[46]

* * *

Потом, уже после революции, генерал-майор Бискупский командовал сражавшимися с С. В. Петлюрой войсками гетмана П. П. Скоропадского, а затем эмигрировал в Германию, где вместе с генералом Эрихом Людендорфом пытался создать «Контрреволюционную армию» для восстановления монархий в Центральной Европе и России.

Жил он тогда в собственной квартире в центре Мюнхена, которую приобрел, продав правительству Японии принадлежавшие ему на Сахалине земли.

Любопытно, что в этой квартире после провала пивного путча некоторое время скрывался Адольф Гитлер.

Но это уже совсем другая история, про которую не поется в русских романсах. Во всяком случае, Анастасии Дмитриевны Вяльцевой в этом романсе точно не было…

Неудавшийся прорыв

Впервые я увидел эту фамилию на конверте пластинки Валерия Агафонова «Белая песня», выпущенной фирмой «Мелодия» в 1989 году. Название пластинке песня Юрия Борисова и дала.

> Все теперь против нас, будто мы и креста не носили,
> Словно аспиды мы басурманской крови,
> Даже места нам нет в ошалевшей от горя России,
> И Господь нас не слышит – зови не зови…

Странная, печальная и красивая, эта песня широко зазвучала в магнитофонных записях уже после смерти в 1984 году ее исполнителя Валерия Агафонова.

Чувствовалось, что песня стилизована под белогвардейский романс, но такие точные были найдены слова, так пронзительно звучал голос Агафонова, что о стилизации забывалось.

«Песни сердца» называлась одна из пластинок Агафонова. «Белая песня» тоже исполнялась сердцем.

И еще одно ощущение той поры. Казалось, что у этой песни, как и у настоящих песен Гражданской войны – настоящая, оплаченная подлинными жизнями судьба. И это – сейчас уже можно говорить об этом! – так и было.

И «Белая песня», и другие песни Юрия Борисова из белогвардейского цикла оказались оплаченными самым настоящим веществом жизни. Они и звучать-то начали широко только после смерти их исполнителя. Ну, а автор их был тогда жив. Вернее, когда выпустили пластинку Валерия Агафонова, он умирал…

У Юрия Борисова есть песня, где он говорит, что «И России без ворона нет». На самом деле Россию Борисова трудно представить без воронков.

Он как-то очень легко шел на срока. В последний раз из заключения Юрий Борисов вышел уже безнадежно больным туберкулезом. Последний год он почти не вставал. А умер он на носилках в приемном покое больницы на Поклонной горе.

Странно и страшно, похоже и непохоже сходилась его собственная судьба с той, о которой он писал в песне:

Вот уж год мы не спим, под мундирами прячем обиду,
Ждем холопскую пулю пониже петлиц.
Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду,
И предали анафеме души убийц…

Каким-то искаженным эхом соотносится с песней и судьба ее автора.

Вскоре после смерти Юрия Борисова его песню, забывая указывать автора, запела Жанна Бичевская. А Михаил Звездинский – этак застенчиво-застенчиво! – и вообще поставил под нею свое имя.

2

Впрочем, речь сейчас не об эстрадном мародерстве, а о судьбе художника, который, казалось бы, должен был подойти времени реформ, но которого убило это время, и сама память о нем оказалась раздавленной. Трагическая безысходность эпохи застоя выражена и в поэзии Юрия Борисова, и в безалаберном, безответственном отношении к своей жизни.

Я сегодня всем довольный —
денежный простор.

Завтра лягу спать голодный
под чужой забор.

Непогоду матом кроя
и всплакнув тайком,
я накроюсь с головою
рваным пиджаком.

Что вчера была моею,
проплывет, как дым,
той же самою аллеей
под руку с другим…

Иногда кажется, что у Юрия Борисова и не было биографии. Он возникает из тех социальных сумерек, где не сразу и разглядишь, кто там – идущий в последнюю атаку офицер или зэк на лесоповале…

3

– Мы не любили свои биографии, – рассказывал друг Юрия Борисова и Валерия Агафонова, музыкант и артист, а теперь еще по совместительству, как он подчеркивает сам, и «работник асфальтоукладки» – Валерий Кругликов.

– Почему?! – удивился я.

– А за что их любить. Ведь их ни петь, ни читать нельзя. А мы почти и не говорили между собой. Только пели. То Агафонов, то Борисов, то я.

– Ну, а все-таки… Ведь вы похоронами Борисова занимались. Вы наверняка видели какие-то документы. В конце концов, вы знакомы со многими его родственниками…

– Не знаю, – покачал головой Валерий. – Я одно могу сказать: чем больше я слушаю Борисова, тем больше мне нравится, как он поет и играет. Он не врет нигде. Ни в словах, ни в музыке, ни в голосе. Русский человек вообще не врет – ему это незачем. Ни в каком смысле. Врет – значит нерусский.

Еще Валерий Кругликов говорил, что, по его мнению, вечная неудача в жизни – едва ли не общая отличительная черта всех истинно русских поэтов. Зачастую это еще и насильственная смерть.

Как у Борисова… Он и умер-то от туберкулеза еще в те благополучные годы, когда про туберкулез можно было лишь

прочитать в книжках. Но Борисов о туберкулезе узнал не из книжек.

Так что и в самом деле, если бы «вечной неудачи в жизни» достаточно было для зачисления в великие поэты, то для Борисова нужно было бы освобождать место прямо в президиуме поэтического Олимпа.

Тут не поспоришь: чего-чего, а неудач судьба отпустила ему под завязку. Всю жизнь промыкался он между отсидками без жилья, без работы. Но не озлобился, не впал в уныние. У него хватило упорства писать и петь и в этих условиях.

И он создал песни, которые созвучны были настроению поколения, которые, пусть и стилизованные под белогвардейские романсы, говорили о неудавшемся, о неосуществившемся прорыве этого поколения.

Борисов действительно не врал. Ни в словах, ни в музыке, ни в своей судьбе. Он создал песни, которые сами могли стать прорывом.

4

Юрий Борисов родился на Казанскую, 4 ноября 1944 года, в городе Уссурийске Приморского края. Почему его появление на свет произошло в такой несусветной дали, если его бабушки и деды похоронены на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге, – неясно…

Валерий Кругликов припоминает, что Юрий Борисов обмолвился как-то, будто он родился почти в тюрьме. И еще мимоходом рассказал, что мать подставили, назначили на должность, связанную с материальной ответственностью, и свалили на нее недостачу. Так это или иначе – неведомо. Известно только, что в июле 1947 года Борисовы вернулись в Ленинград.

После школы Юрий учился в ремесленном училище, но токарем-револьверщиком так и не стал – загремел на первый срок.

Тогда, по слухам, он с товарищами-ремесленниками «ломанул» винный ларек. Денег на ночь там не оставляли, но зато было много бормотухи, которую «подельники» и начали распивать на скамеечке возле ларька. На этой скамеечке их и повязали.

Между прочим, тоже по слухам, в ремеслухе и познакомился Борисов с будущим исполнителем своих песен Валерием Агафоновым. После жены Любы Агафонов был, кажется,

единственной жизненной удачей Борисова.

Вот так и началась взрослая жизнь Юрия Борисова.

Была тут и учеба – вначале Юрий брал частным образом уроки у известного гитариста А. И. Ковалева, а потом какое-то время учился на отделении композиции в институте культуры. Была и работа. Были и новые залеты на зону.

«Ничего в тюрьме не изменилось», «И молю я Господа, дай лимит на прописку райскую» – это слова своих песен Юрий Борисов сложил из собственной жизни.

Обычно он попадался на пустяках. Говорят, один раз он сел за паспорт, который завалился под холодильник, и Борисов не смог найти его во время паспортной проверки.

Он всегда садился непонятно как. Говорили, что он ходил от подвала к чердаку через ларек и аптеку. Тюрьмы и зоны, а на свободе – хроническое безденежье и бездомность. Обычная, ломаная русская жизнь.

Юрию Борисову не раз предлагали устроиться, но он отвергал это.

«Все богатство мое – песня да гитара», – пел он.

Еще была жена Люба, которая полюбила его до конца, до гробовой доски.

Про нее и сейчас говорят по-разному. Но иначе и не могло быть. Как это видно из воспоминаний, они с Юрием были страстные, нерасчетливые люди.

Им не Бог и не царь, и не боль и не совесть,
Все им «тюрьмы долой» да «пожар до небес».
И судьба нам читать эту страшную повесть
В воспаленных глазах матерей да невест…

Для них было счастье петь. И, конечно, счастье, что у них были эти песни.

5

– Почему вы о белогвардейцах свои песни пишете? – спросили однажды у Борисова.

– А я был там… – ответил он.

Ответ был воспринят как не слишком удачная шутка – ни в какой белой армии Борисов не мог быть.

Но он ведь не белую армию и имел в виду. Там – это не пространство, не время, а состояние безвыходности, обреченности и безнадежности, в котором, подобно разгромленным белогвардейцам, находился и сам Борисов. Разве не о себе самом, не о нашем времени, не обо всех нас слова его песни?

И глядят нам во след они долго в безмолвном укоре,
Как покинутый дом на дорогу из тьмы?
Отступать дальше некуда – сзади Японское море,
Здесь кончается наша Россия и мы…

Конечно же, о себе. Конечно же, о нас…

И в этом, наверное, и секрет того, почему так пронзительно звучали на закате застоя песни Борисова, и в этом отчасти причина того, почему не удалось им прорваться в будущее.

В шестидесятые годы написал Юрий Борисов «Белую песню», но иногда кажется, что она написана о нашем времени.

В красном Питере кружится, бесится белая вьюга,
Белый иней по стенам московских церквей,
В белом небе ни радости нет, ни испуга,
Только скорбь Божьей Матери в белой лампадке ночей…

У Юрия Борисова был идеальный слух.

Он писал сам музыкальные пьесы и иногда исполнял их. Он хорошо пел, хотя его трудно было застать в трезвом состоянии. Почему он не вписался в общество? Наверное, не мог приспосабливаться к ситуации, он был весь не из того времени, в котором жил. Из другого…

6

Хотя это, конечно, вопрос, подошло бы или нет и нынешнее время для Юрия Борисова.

– Не знаю… – сказал на это друг Юрия Борисова Валерий Кругликов. – Сейчас такое время, что у нас каждый бомж, как Гамлет. Не знает, доживет до утра или нет.

– В каком году он последний раз был на зоне? – спросил я.

– Не помню, – ответил «работник асфальтоукладки». – Я же говорю, мы дат не запоминали. Мы и не говорили почти. Песни у нас были средством общения. Мы всегда пели.

Это очень хорошая мысль о том, что у песен нет дат и сроков.

Внемлет минорным созвучиям
все повидавший Парнас,
слушают ивы плакучие
твой недопетый романс. —

сказал Юрий Борисов в романсе, посвященном памяти Валерия Агафонова. Но он и сам тоже не допел свой романс. И у его песен тоже нет никаких сроков.

Хотя и не удался прорыв, который, быть может, назначено было совершить им, но это не песен Борисова вина… Хотя их и потаскали по эстрадам, но они не затаскались, в них сохранилась прежняя пронзительность и свежесть, будто и не исполнялись они еще.

7

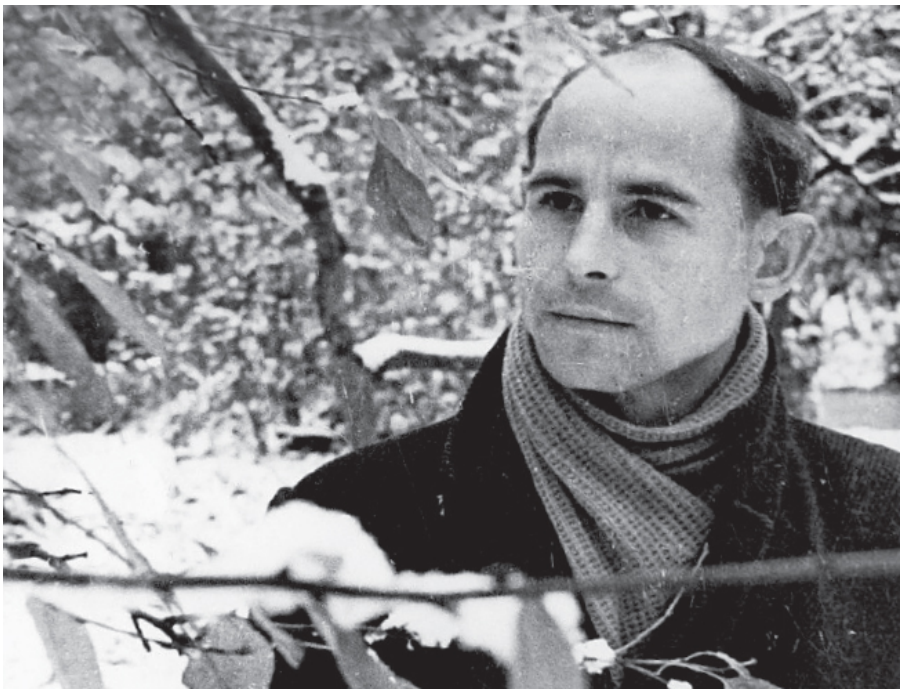
Уже после смерти Валерия Агафонова песни Борисова начали звучать и на телевидении, и в фильмах. Как они пробивались туда – отдельная история.

Целый куплет попал в фильм «Личной безопасности не гарантирую». Валерий Кругликов рассказывал, что после похорон Агафонова он заскочил на кладбище в автобус, где ехал режиссер фильма «Личной безопасности не гарантирую».

– Молодцы вы, что Борисова вставили, – сказал он режиссеру. – Наконец-то Борисов начинает с экрана звучать.

– Какой Борисов?! – возмутился режиссер. – Мне сказали, что это Пушкин…

Рубцовский вальс



Они никогда не встречались друг с другом, но общего в их судьбах так много, что порою кажется, эти судьбы для одного человека и предназначались.

И гениальный русский поэт Николай Рубцов, и великий русский композитор Валерий Гаврилин родились на Вологодчине перед войной, и с самого раннего детства им достался при живых родителях (у Николая Рубцова жив был отец, у Валерия Гаврилина мать) сиротский удел.

Нищету и необыкновенную одухотворенность русской жизни, ее незащищенность и сокровенную красоту они постигли в самом раннем детстве и, может быть, именно поэтому с такой необыкновенной силой сумели выразить в своем творчестве.

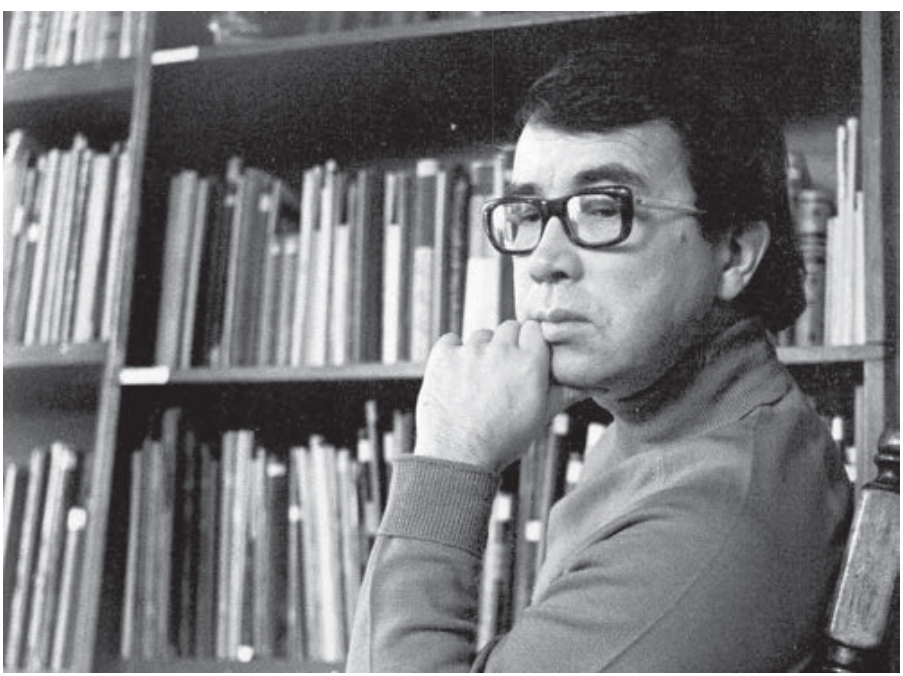
Очень рано, гораздо раньше многих своих благополучных сверстников, нашли они свой путь в искусстве и, не сворачивая, пошли по нему, еще при жизни достигнув всенародного признания.

Загадка, непостижимая тайна и вместе с тем некое роковое предопределение заключены в том, что Валерий

Гаврилин так поздно пришел к стихам Рубцова, поэта, быть может, наиболее близкого ему. И близкого не только по рождению, не только по судьбе, но и по мироощущению, по пониманию того, что предназначено сказать, по тому глубинному патриотизму, который не нуждается для своей реализации в поиске и обличении врагов, который полностью осуществляется в любви.

«Творчество Рубцова я понял не сразу, – писал Валерий Гаврилин в 1986 году в ответ на вопрос кафедры советской литературы ЛГУ, готовящей конференцию, посвященную творчеству Николая Рубцова. – Я думаю, это оттого, что его духовный, душевный мир был гораздо богаче, ярче и сильнее, чем мой. С годами мой жизненный опыт привел меня к Рубцову – и теперь в современной русской поэзии нет поэта более для меня дорогого, чем Рубцов. Я учусь у него, многое перенимаю и верю во все, что он пишет, даже если сам я этого не испытал. Он стал для меня школой, одним из учебников духовного опыта…»

Творчески же Гаврилин начал входить в мир поэзии Рубцова только в 90-е годы. Странно было бы думать, что Гаврилину жившему вполне благополучной жизнью популярного композитора, именно благополучность и помешала сразу различить дивный небесный свет и сокровенное звучание русской судьбы в переполненных болью и отчаянием стихах Рубцова.



Но ведь так и было.

В общем-то вполне закономерно, что Гаврилин услышал свое в стихах Рубцова именно тогда, когда реформы Ельцина сделали нищим его, одного из самых успешных русских композиторов. В эти страшные годы нашел для себя Валерий Гаврилин опору в поэзии Николая Рубцова. Вот тогда и различил Гаврилин тот голос Родины, что звучал в этих стихах.

«Теперь я очень страдаю от того, что не могу найти музыкального ключа к раскрытию тайн его поэзии в музыке. Дважды брался – и все с очень плохим результатом, – писал Валерий Гаврилин в 1986 году. – Мечтаю написать истинно рубцовскую музыку – надежда на то, что однажды это у меня получится, помогает мне жить и трудиться и лучше, старательнее сочинять и всю остальную мою музыку».

Музыка Гаврилина, назовем ее условно «Рубцовской тетрадью», которая в 90-е годы и создавалась, должна была поднять голос Родины, что звучал в стихах Николая Рубцова, на ту высоту, на которую способна поднять чувство и слово песня и музыка.

Отметим одну любопытную подробность. Вокальный цикл «Рубцовская тетрадь» Валерий Гаврилин собирался делать с вологодскими исполнителями. Велись переговоры с вологодской капеллой. Но руководитель ее, по-видимому, не понял, что хочет от него композитор, и в качестве образчика прислал кассету с церковными песнопениями, исполняемыми хором.

Вдова композитора, Наталья Евгеньевна Гаврилина, рассказывала мне о разговоре, который состоялся у нее с мужем, когда он получил из Вологды кассету.

– Ну а что, если сделать Рубцова без хора? – задумчиво сказал тогда Валерий Гаврилин. – Может, только с симфоническим оркестром?

Само это предположение на первый взгляд выглядит настолько диким, что хочется сразу усомниться, а правильно ли запомнила слова мужа Наталья Евгеньевна.

Но это на первый взгляд.

«Музыку Гаврилина играть очень трудно, – отмечал В. И. Федосеев, – потому что она очень проста, и эту простоту в наши дни выразить очень трудно, потому что мы ее во многом утеряли. Мы всегда ищем какие-то изощрения, стараемся помочь музыке эффектами – а гаврилинская музыка в этом не нуждается, она сразу находит отклик в душе каждого человека. Все композиторы, подобно ему, должны писать не для элиты, а просто для людей, которые понимают музыку сердцем».

Внимательный читатель без труда заметит, что эти слова

выстраивают точную параллель гаврилинской музыки с простотой рубцовской поэзии.

Действительно… Стихи Рубцова необыкновенно просты, как и музыка Валерия Гаврилина, но обманчива эта простота и ясность.

Если вдумываться, отыскивая в стихах Николая Рубцова будничный смысл, то окажется, что все здесь как-то несуразно и нелепо.

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.

Сразу, уже в этих первых строках, несообразность. Как может быть светло от ночной звезды? Ну ладно, лунный свет, но звездный… Разве способен он осветить углы комнаты, табуретку, стол, тарелку на столе? А дальше?

Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды…

Ну зачем, скажите, идти матери ночью за водой, какая надобность? И при чем тут «красные цветы», которые «в садике завяли все»? При чем «лодка на речной мели», которая «скоро догниет совсем»? Поиск будничного смысла разрушает волшебство стихотворения, превращает его в груду нелепых обломков.

Но еще более нелепо предполагать, что эти прекраснейшие стихи написаны по рецепту эстрадной песни, где только звучание голоса и создает реальность, где только мелодия, ритм и могут связать бессмысленные слова.

Конечно же, нет. Просто лирическая стихия Рубцова – это особая стихия, которая хотя и персонифицируется порою в поэте, даже и в этот момент одновременно живет по другим, недоступным для живого человека законам, ибо наделена не свойственными человеку способностями.

Эта самостоятельная сущность, сливаясь с которой и получает поэт возможность ощущать запредельные миры, принимая ту информацию, – вспомните: «Я умру в крещенские морозы…», – которая недоступна обыкновенному человеку.

А способ сообщения поэта с читателем – говорение из души в душу. Говорение из души в душу – и музыка Гаврилина. Она действительно сразу находит отклик в душе каждого человека, она для людей, которые понимают музыку сердцем.

И тут, как ни парадоксально, при абсолютно полном

проникновении в суть поэзии Рубцова не так уж и важны становились сами его тексты. Может быть, об этом и думал Валерий Гаврилин, когда спросил: а что, если написать «Рубцовскую тетрадь» только для симфонического оркестра?

– Как же можно без хора? – спросила тогда Наталья Евгеньевна. – Ведь это на стихи Рубцова… Как же будет музыка без текстов?

– Да-да… – торопливо согласился Валерий Александрович. – Конечно, ты права…

Но музыка была написана.

«И еще он сыграл новый „Рубцовский вальс“… – вспоминает А. А. Белинский. – Ни я, ни Наталья Евгеньевна не записали его на магнитофон. Он унес и этот волшебный вальс и много другой чудесной музыки туда, в духовное бессмертие. Он ничего не записывал на ноты, пока сочинение не было готово полностью. Он все держал в своей поистине гениальной головушке».

Увы… Гаврилин, как свидетельствует его жена, клавиров никогда не писал, сразу – партитуру[47]. Много музыки так и осталось «на пальцах».

О том, каким был «Рубцовский вальс», о том, какой должна была стать «Рубцовская тетрадь», можно догадываться лишь по не многим сохранившимся записям Валерия Александровича.

Вот два листка машинописи из бумаг Валерия Гаврилина. На одном написано: «Хор, солисты, симфонический оркестр. Песня Даши». Дальше следует текст:

Отцветет да поспеет
На болоте морошка, —
Вот и кончилось лето, мой друг!
И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные вьются вокруг…

Заскрипели ворота,
Потемнели избушки,
Закачалась над омутом ель,
Слышен жалобный голос
Одинокой кукушки,
И не спит по ночам коростель…

На другом листке: «Застольная песня. Журавли». Подзаголовок «Поет председатель или же все». Далее следует текст: «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий»… Еще сохранились обрывочные записи размышлений-

воспоминаний: «У забора в Шейно (деревня в Вологодской области, куда Валерий Гаврилин приезжал на каникулы, там жила его мать. – *Н. К.)* на вечерней заре. Облака на закате. Мальчик собирается на гулянье».

«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны. Гулы».

И вот читаешь это стихотворение Николая Рубцова:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен… —

и сразу соединяются обрывочные записи Валерия Гаврилина.

Разные люди председательствовали в колхозах деревни Перхурьево Кубено-Озерского района Вологодской области, где вырос Валерий Гаврилин, и в деревне Никола Тотемского района Вологодской области, где рос Николай Рубцов. Наверное, они были не похожими друг на друга, но что с того?

Одной и той же была колхозная жизнь и в Перхурьеве, и в Николе, одинаковыми глазами смотрели деревенские сироты Валерий Гаврилин и Николай Рубцов на главного в деревне мужика и одинаково видели, как пляшет он на празднике, выбиваясь из сил. И все в этом главном мужчине детства было прекрасно.

И простые и ясные жизненные принципы, выраженные в требовании выпить за доблесть в труде и за честность, и былинная богатырская сила, позволяющая ему, как знамя, пронести в руках лучшую жницу. И этот былинный богатырь детства и должен был запеть в «Рубцовской тетради» Валерия Гаврилина одно из самых пронзительных стихотворений Николая Михайловича:

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий…
Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали…

И как ответ на песню Даши (жницы, которую проносят в руках как знамя?):

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!

Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу. —

и будет звучать эта песня… И сколько бесконечной любви и печали прозвучит в этом ответе!

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя наречной догнивает мели…

Наталья Евгеньевна показала мне еще одну книгу из библиотеки композитора Валерия Александровича Гаврилина – мой сборник «Николай Рубцов: Вологодская трагедия», в который помимо стихов поэта я включил и свою повесть – биографию Николая Рубцова «Путник на краю поля».

Гаврилинская закладка в этой книге вставлена между станицами 8 и 9 повести, как раз на словах о том, что, быть может, и было самым главным в жизни Николая Рубцова:

«По его стихам точнее, чем по документам и автобиографиям, можно проследить его жизненный путь, но дело не только в этом. Конечно, многие настоящие поэты угадывали свою судьбу, легко заглядывали в будущее, но в Рубцове провидческие способности были развиты с такой необыкновенной силой, что, когда читаешь написанные им незадолго до смерти стихи:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы… —

охватывает жутковатое чувство нереальности. Невозможно видеть вперед так ясно, как видел Рубцов! Хотя – сам Рубцов говорил: „мы сваливать не вправе вину свою на жизнь. Кто едет, тот и правит, поехал – так держись!“ – отчего же невозможно? Очень даже можно, если учесть, что Рубцов и жил так, будто писал самое главное стихотворение, и, совершенно точно зная финал, ясно представляя, что ждет впереди, даже и не пытался что-либо изменить… Потому что не прожить свою жизнь, не пройти назначенный ему Путь до конца он не мог, да и не хотел»…

Еще сохранились такие записи Валерия Гаврилина, которые напрямую к Рубцову не относятся, но которые необходимо

вспомнить, если мы говорим о «Рубцовском вальсе».

«Вальс, русский вальс – праздничная тоска, тщета и торжество жизни, пир и похмелье».

«Секрет вальса. Человек весь – двудолен. Ноги, руки, глаза, ноздри, полушария, ходьба и т. д. Тайна вальса – в наличии третьей доли, ни на что не опертой. Она нейтрализует, отвергает два полюса земной гравитации; момент третьей доли – и человек парит над землей и телом и душой…»

В одном из последних интервью Валерий Гаврилин снова и снова возвращается к имени Рубцова, говорит, что Николай Рубцов, образ его стихов занимает его мысли.

Я перечитываю это признание нашего великого композитора, и мне кажется, что Валерий Гаврилин слышал тогда *гулы,* которые ясно различал Николай Михайлович Рубцов.

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы…
Отчизна и воля – останься, мое божество!

И трудно, трудно отделаться от мысли, что эти *гулы* русской судьбы и слышал Валерий Гаврилин, когда уходил из жизни, сидя в кресле в своем рабочем кабинете…

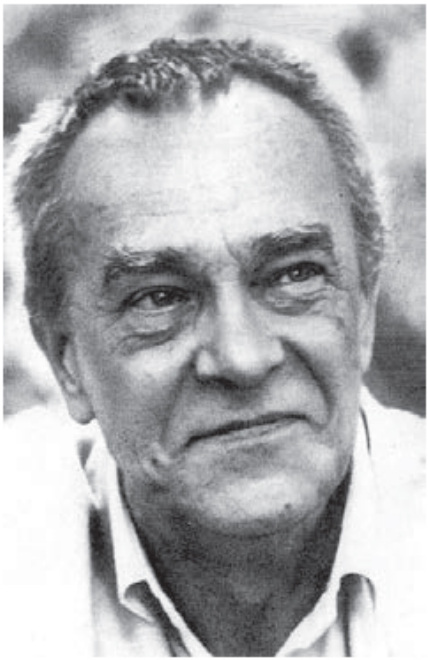
Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

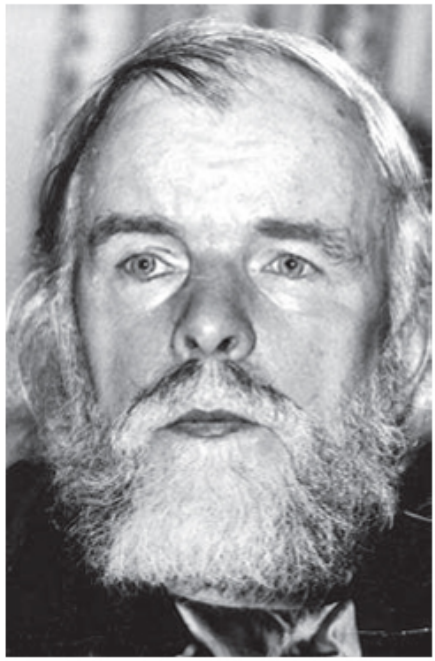
И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей…

Как и Николай Рубцов, Валерий Гаврилин умер в крещенские морозы. И в этом его судьба оказалась сходной с судьбой великого русского поэта.

А рубцовский вальс был. Его слышали многие… Некоторые, как это можно судить по воспоминаниям, слышат его и сейчас. В своей душе.

Обретение русской судьбы





Наше время, когда в истории России происходят чрезвычайно важные и безусловно переломные события, как вехами, обрамлено двумя девяностолетними юбилеями великих русских писателей-историков.

В ноябре 2017 года мы отметили девяностолетний юбилей Дмитрия Михайловича Балашова. В июле 2018 года девяностолетний юбилей его погодка, Валентина Саввича Пикуля.

В последние десятилетия советской эпохи мало кто из писателей пользовался такой популярностью, как эти романисты.

Их книги продолжают читать и сейчас, когда книжный рынок заполнен бесчисленными трудами, связанными с русской историей, но тогда за книгами Пикуля и Балашова гонялись, их книг ждали, потому что оба они говорили об истории нашей страны то, что невозможно было прочитать ни в учебниках, ни в исторических исследованиях.

И только непрекращающейся прижизненной травлей этих русских писателей, только полудобровольной-полувынужденной самоизоляцией их в отдалении от литературных центров и можно

объяснить, почему эти, пожалуй, самые популярные прозаики восьмидесятых годов оказались разведены в общественном сознании.

Между тем, сравнивая биографии этих, безусловно, самых значительных исторических романистов второй половина двадцатого века, мы обнаружим воистину поразительные совпадения в их биографиях.

Посудите сами. И Дмитрий Балашова, и Валентин Пикуль – погодки. Оба они родились и выросли в Ленинграде. Оба мальчишками попали в блокаду и именно здесь пережили то, о чем писал их сверстник поэт Юрий Воронов:

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом —
Паспорта.
И в этом нет беды,
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

Слова о том, что «мы не будем ни старше, ни взрослее», чем тогда, с полным правом можно отнести и к Валентину Саввичу Пикулю, и к Дмитрию Михайловичу Балашову.

Оба они весной 1942 года едва живыми были эвакуированы на Большую землю. У обоих в 1942 году погибли отцы. Оба прошли свои главные университеты на Севере.

Если мы прибавим, что оба они и умерли в один день с разницею в десять лет – накануне убийства царской семьи, то остается только подивиться замыслу Божию об этих наших великих современниках-соотечественниках.

Обратите внимание, что, будучи современниками, и Дмитрий Балашов и Валентин Пикуль не только в жизни, но и в своих многочисленных романах нигде не пересекались друг с другом. Между ними как бы существовал договор о разделе поля русской истории.

Валентин Саввич писал о послепетровской России и не

уходил глубже семнадцатого века. Дмитрий Михайлович Балашов не поднимался дальше шестнадцатого века, рассказывая о временах рождения и расцвета Московской Руси.

Писатели не пересекались и в манере письма. Пикуль выстраивал свое повествование по законам сказовой прозы, превращая в сказ эпические события, Балашов фольклорные и летописные предания разворачивал в эпические повествования.

Это был воистину писательский подвиг.

Исполнить его писателям позволяла необыкновенная сила таланта, которым столь щедро были наделены они, их необыкновенное трудолюбие, но при этом каждый из этих писателей, прежде чем приблизиться к своему пониманию русской истории, должен был обрести в себе ту русскую духовность, которая и созидала нашу страну.

Поразительно, как это происходило с Дмитрием Михайловичем Балашовым.

Ведь когда мы говорим, что Дмитрий Балашов родился 8 ноября 1927 году в Ленинграде, это не совсем так, вернее, совсем не так.

Дело в том, что восемьдесят лет назад не было никакого Дмитрия Балашова. Тогда в семье актера ленинградского ТЮЗа Михаила Гипси родился сын, которого родители назвали Эдвардом.

Природная фамилия самого Михаила Михайловича была Кузнецов, а Гипси-Хипсеем он стал, когда многим казалось, что только затаптывая в себе русскость и можно осуществиться в послереволюционной России.

Сыну Гипси-Хипсея в пятидесятые годы пришлось поменять отцовскую фамилию, чтобы начать поиск своей настоящей русской судьбы.

Всю жизнь этот коренной петербургский интеллигент носил русскую косоворотку и сапоги, изумляя ученых коллег, всю свою жизнь он прожил как русский крестьянин, строя дома, вспахивая землю, держа коров и лошадей, чтобы постичь корневую суть русской жизни.

Валентину Саввичу Пикулю в обретении русскости не пришлось преодолевать такие препятствия, но, право же, его путь к своему оказался не легче, чем у Балашова.

Мы знаем, что Валентин Пикуль не имел даже и среднего образования, он был самоучкой, и русскую историю открыл для себя сам. Причем открыл ту историю, о которой не знали и даже не догадывались не только писатели-романисты, но и многие профессиональные историки, ибо она была выведена за рамки официальной истории нашей страны.

Валентин Пикуль с головой ушел в открытую им историю, потому что она была не просто интереснее засушенных схем, которые предлагали учебники, но еще и потому что в ней писатель Пикуль находил ответы на самые главные вопросы, что ставила перед ним и его читателями жизнь.

Дмитрий Михайлович Балашов и институт окончил, и работал в научном институте Академии наук, но его отношение к истории в главном – сродни отношению к истории Пикуля. Романы из цикла «Государи Московские» он писал в продолжение своей работы фольклориста, как бы пытаясь создать утраченный героический эпос нашего народа.

С разных сторон, совершенно по-разному, но одновременно оба писателя шли к постижению народной правды русской истории, той правды, сказать которую своему народу и были призваны они. И может быть, в этом и скрыто самое главное, что открывают нам эти удивительные русские судьбы… Только сохранив свою духовность, свой язык, свою культуру, свою историю, то, что и называется русскостью, обретали писатели, а вместе с ними и читатели, возможность выстоять перед новыми испытаниями.

Вдумаемся еще раз в тот простой факт, что в одном городе с разницею в полгода рождаются два писателя, которые, не сговариваясь, по сути, делят пополам оболганную русскую историю, чтобы сказать русским людям ту самую главную правду о великой России, которую пытались спрятать русофобы всех мастей.

И вопреки всему – не зря ведь в отрочестве прошли они через горнило блокадного голода! – они говорят ее как раз накануне новых страшных испытаний, которые обрушатся на нашу страну.

Западные идеологи в девяностые годы порою рассуждали, дескать, они – победители, они выиграли холодную войну, и те унижения и притеснения, которым они подвергают Россию, следствия этой победы.

Разумеется, говорить о победе над Россией они поспешили. Более того…

Уже сейчас очевидно, что хотя тех страшных ударов, которые обрушились на нашу страну, ни одна другая страна не выдержала бы, мы все-таки устояли, как некогда устояли на Волге в Сталинграде…

И кто знает, если бы миллионы русских людей не успели вовремя прочитать книги Дмитрия Балашова и Валентина Пикуля, устояла ли бы сама наша страна перед грязным потоком лжи, захлестнувшим ее в конце восьмидесятых и начале девяностых годов?

Может быть, в этом и скрыто самое главное, что открывают нам жизни и книги Балашова и Пикуля.

notes

Примечания

1

Отметим попутно, что за ведение записей в дневнике полковник гвардии Семен Прошин был отставлен от обязанностей воспитателя великого князя Павла Петровича.

2

Супруга Павла, Гессен-Дармштадтская принцесса Вильгельмина, принявшая при переходе в православие имя Натальи Алексеевны.

3

Много ли их? *(укр.)*

4

Здесь надо сказать о необычно милостивом отношении Павла к оставшимся в живых пугачевцам. Пушкин объясняет это тем, что «Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и высшем сословии существовало мнение, что будто и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить этому слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?».

5

В дальнейшем для жалоб и прошений был устроен знаменитый «Желтый ящик» у ворот Зимнего дворца.

6

В 1772 году после первого раздела Польши Россия приобрела себе 100-тысячное еврейское население. С этого момента и надо датировать, как пишет А. И. Солженицын, «первое значительное историческое скрещение еврейской и русской судьбы».

7

Павел I был 72-м Великим магистром державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского, хотя официально его не признали римские папы – ни Пий VI, ни Пий VII. Поэтому сейчас в официальных орденских документах Павла I именуют Великим магистром де-факто.

8

Александр Сергеевич Свечин как-то очень странно и неясно связан с событиями 11 марта. Во-первых, не очень понятно, как он исполнял обязанности петербургского военного губернатора в сентябре-октябре 1800 года, если вышел в отставку еще 30 мая 1800 года. Во-вторых, очень странно, что, зная о заговоре, он «не изменил доверию». Все-таки речь шла не о любовной интрижке, а о государственной измене. Ну, а в-третьих, очень любопытно, что Александр Сергеевич Свечин всего на неделю пережил императора Павла и умер 42-х лет от роду 18 марта 1801 года.

9

Никита Петрович Панин был сыном генерал-аншефа, сенатора Петра Ивановича Панина, а также – племянником графа Никиты Ивановича Панина, министра и воспитателя великого князя Павла Петровича. При Екатерине Никита Петрович Панин был посланником в Гааге и Берлине, при Павле – вице-канцлером и министром иностранных дел.

10

Женитьба эта состоялась, похоже, не без хлопот императрицы Екатерины II, немало старавшейся, чтобы получше устроить братьев своего любовника в высшем свете. Наталья Александровна Суворова или, как ее называл в письмах отец, Суворочка, после окончания Смольного института была пожалована 3 марта 1791 года во фрейлины и жила при дворце. Здесь ее и познакомили, по-видимому, с красавцем Николаем Александровичем Зубовым. Сам Суворов был огорчен выбором дочери, тем более что у него на примете был совершенно другой жених.

11

Это Беннигсену удалось как нельзя лучше, за что он был щедро вознагражден императором Александром. Конечно, на какое-то время ему пришлось удалиться от двора – он был назначен виленским военным губернатором, но уже в 1805 году возвращен в Петербург и назначен командующим 70-тысячным корпусом, а после незначительной победы под Пултуском 14 декабря 1806 года над отрядом Ланна, которую Беннигсен в донесении государю выдал за победу над армией самого Наполеона, назначен главнокомандующим всей русской армией. Несмотря на многочисленные неудачи, Александр продолжал осыпать наградами организатора убийства своего отца. Орден Андрея Первозванного – всего лишь одна из этих наград. Только когда началось вторжение Наполеона в Россию, Александр был вынужден отстранить плохо говорящего по-русски Беннигсена от главнокомандования.

12

«Потому что у меня нет ничего общего с этими господами». *(франц.)*

13

«Правление в России есть деспотизм, ограниченный удавкою». *(франц.)*

14

В последний год правления Павла Пален активно распускал при дворе слух, что император намерен выдать дочь Екатерину замуж за принца Евгения Вюртембергского и передать ему русский престол, а сына Александра устранить, точно так же как устранить и императрицу Марию Федоровну, заточив ее в монастырь.

15

Такие мысли, как утверждал вюртембергский племянник Марии Федоровны, императрица связывала со своим регентством при Николае.

16

Существует и другое объяснение стремительного падения фон Палена. Говорили, что Александру было доложено о его двусмысленном поведении во время убийства Павла, о его готовности в случае малейшей неудачи прийти с войсками на помощь императору и представить его, Александра, как главного злоумышленника. Но если это и так, то все равно это нисколько не умаляет значения молитв раскольников и гнева императрицы в свержении адского гения.

17

Знаменитый силач Иван Поддубный говорил: «В России есть три знаменитости: я. Горький и Вяльцева».

18

Слова и музыка Н. И. Шишкина.

19

Романс «О позабудь былые увлеченья». Слова и музыка гр. Толстой.

20

Песня «Уголок». Музыка С. Штеймана, слова В. Мазуркевича.

21

Выражение «вяльцевские гонорары» стало тогда нарицательным среди артистов.

22

Песня «Гай-да, тройка». Слова и музыка Михаила Штейнберга.

23

Советская музыка. 4 апр. 1949 г.

24

Песня «Дай, милый друг, на счастье руку». Слова и музыка К. Лучича.

25

Романс «С тобой вдвоем». Музыка Н. В. Зубова, слова М. П. Пойгина.

26

Романс «Зачем». Слова и музыка Саши Давыдова.

27

Песня «Ах! Да пускай свет осуждает!». Слова и музыка С. И. Зилоти.

28

9 февраля 1904 года по новому стилю.

29

Романс «Зачем», слова и музыка Саши Давыдова.

30

РГВИА Фонд 409 опись 1 дело 139335. Листы 1–8 оборот. Послужной список № 88–679, 21 декабря 1914 г., с дополнениями.

31

Младшим офицером.

«Театр и искусство». СПб., 1904, № 35.

Интересно, что вместе с В. В. Бискупским во 2-м Дагестанском полку воевали на Русско-японской войне французский принц Наполеон Ахилович Мюрат (правнук императора Наполеона и маршала Мюрата), персидский принц Мирза Фазулла Каджар, полковник лейб-гвардии Гусейн Хан Нахичеванский, Бадави – внук шамилевского наиба Хаджи-Мурата.

34

Черно-желто-белый флаг как официальный (государственный) флаг Российской империи был введен Указом Александра II от 11 июня 1858 года.

35

РГВИА Фонд 409 опись 1 дело 139335. Листы 1–8 оборот. Послужной список № 88–679, 21 декабря 1914 г., с дополнениями.

36

Гимн любви. Слова и музыка А. Чернявского.

37

А. Д. Вяльцева напела целый ряд пластинок для английского акционерного общества «Граммофон» еще в 1902 году.

38

Романс Н. В. Зубова «Не уходи, побудь со мною».

39

Романс «Жалобно стонет ветер осенний». Музыка Михайлова, слова Пугачева.

40

Романс «Пусть это сон». Слова А. В. Маттизена.

41

Некоторые биографы полагают, что Василий Викторович Бискупский женился на Анастасии Дмитриевне с личного разрешения императора Николая II, но это маловероятно, едва ли тогда ему пришлось бы увольняться со службы.

42

Романс «Чайка». Музыка Е. Жураковского, слова Е. Буланиной.

43

Газета «Свет», № 36, 7 февр. 1913 г.

В некоторых работах высказывается предположение, что профессор Эндерлейн не знал о группах крови и перелил Вяльцевой кровь, несовместимую с ее кровью. Эта гипотеза маловероятна. Разделение крови на группы было сделано в ходе экспериментальных исследований, проводившихся австрийским ученым К. Ландштейнером в 1900–1907 годы, и трудно предположить, что его коллега Эндерлейн не знал об итогах этих исследований в 1913 году.

45

Газета «Свет», № 22, 23 янв. 1913 г.

46

Романс «Мой милый друг», музыка Г. Гофман, слова Э. Орлова.

И в этом Валерий Гаврилин поразительно сходится с Николаем Рубцовым, который тоже, как свидетельствуют современники и архивные материалы, записывал только полностью готовое стихотворение.